

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ВОЙНА

АМИР ДЖОНС

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ВОЙНА

**Как сеть антикультовых организаций фабрикует ненависть
против Ислама**

Амир Джонс

Оглавление

Пролог. Следы за кулисами

Глава 1. Антикультизм: наукообразная маска для вековой ненависти

Глава 2. Александр Дворкин и фабрика искажений

Глава 3. Роман Силантьев: от «исламоведов» до идеологов страха

Глава 4. «Крокус» и антиисламская волна: провокация под чужим флагом

Глава 5. «Таджик = Террор»: ярлыки и дегуманизация

Глава 6. Сожжение Корана: глобальная антиисламская кампания

Глава 7. Манипуляция общественным восприятием и антиисламский эффект

Глава 8. Информационный терроризм: как СМИ создают образ врага

Глава 9. Россия — лаборатория антикультовой модели подавления Ислама

Глава 10. Глобальная сеть: от Москвы до Брюсселя и Вашингтона

Глава 11. Югославские войны: трагедия боснийских мусульман

Глава 12. От нацистских методов к «священным войнам» XXI века

Глава 13. Что сказали Пророки: истинное послание Ислама и Христианства

Глава 14. Как остановить цепочку: разоблачение сети и защита общин

Эпилог

Источники

Пролог. Следы за кулисами

Все началось с ощущения едва уловимой фальши. Знаете, как бывает, когда слышишь знакомую мелодию, но в ней появляется одна назойливая, чужеродная нота? Она звучит тихо, почти незаметно, но разрушает всю гармонию. Сначала ты пытаешься её игнорировать, списывая на случайность. Но нота повторяется снова и снова, становясь громче, наглее, пока ты не понимаешь: кто-то намеренно калечит музыку. Для меня этой музыкой был мир, в котором я жил. Мир, где вера — это тихая гавань души, а разные культуры, пусть и с трудом, учатся слышать друг друга. А фальшивой нотой стал ядовитый шепот, который я начал различать повсюду: в новостных заголовках, в репликах телеведущих, в комментариях под статьями. Шепот, который день за днём твердил одно и то же: бойся мусульман.

Сперва это были лишь осколки, фрагменты, не складывающиеся в единую картину. Вот по экрану мелькает сюжет: где-то в европейской столице одинокий безумец под охраной полиции сжигает Священный Коран. Картинка снята идеально, ракурсы выверены. Через час интернет взрывается от гнева. Политики осуждают, верующие выходят на улицы. Я смотрел на лицо этого провокатора — пустое, лишённое всякой идеи, — и не мог отделаться от мысли: это не протест. Это спектакль. Слишком гладко, слишком предсказуемо, слишком похоже на нажатие кнопки, запускающей цепную реакцию. Но кто написал сценарий?

Потом я наткнулся на выступление одного «эксперта». Человека с тяжёлым взглядом и репутацией борца с «сектами». Он говорил об Исламе. Говорил так, будто препарировал мёртвое, уродливое существо. Слова, которые для полутора миллиардов человек священны, он выворачивал наизнанку, смешивая с грязью. Он говорил о Пророке (мир ему и благословение Аллаха) с такой холодной, расчётливой ненавистью, что мне стало не по себе. Это была не критика, не полемика. Это было целенаправленное осквернение, попытка убить святыню в умах слушателей. Тогда я ещё не знал, что этот человек — лишь винтик в огромной машине, а его лекция — часть учебной программы для тех, кто завтра придёт с обыском в мечеть.

Фрагменты продолжали появляться. Очередной теракт. И вот уже неважно, кто его совершил и кто за ним стоит. Словно по команде, включается оглушающая сирена:

«Исламский след!» Тысячи голосов в один миг начинают повторять это, как мантру. Вина горстки нелюдей, предавших и Бога, и человечность, мгновенно перекладывается на миллионы моих братьев и сестёр. На водителя такси, на врача в поликлинике, на строителя, на соседа по лестничной клетке. Я видел, как страх в глазах людей сменялся подозрением, а подозрение — глухой ненавистью. Я видел, как стены домов покрывались оскорбительными надписями. Как моих соотечественников с другим цветом кожи и разрезом глаз начинали травить на улицах, в транспорте, на работе. И снова то же ощущение: это не стихийный гнев. Это слишком организовано. Слишком похоже на хорошо отлаженный механизм.

Разрозненные события — сожжённая книга здесь, ядовитая лекция там, срежиссированная паника после трагедии — начали выстраиваться в тревожный узор. Я чувствовал себя следователем, стоящим перед доской, на которой хаотично разбросаны фотографии, вырезки из газет и имена без лиц. Связи не было. Мотивы были неясны. Было лишь нарастающее чувство, что я смотрю на следы чего-то огромного и зловещего, чего-то, что прячется на виду у всех.

Переломный момент наступил, когда в мои руки попал один документ. Старая, пожелтевшая методичка, написанная десятилетия назад в другой стране. Я читал её, и по спине бежал холод. Язык, аргументы, приёмы — всё это было мне до боли знакомо. Та же технология расчеловечивания. Та же логика объявления любой неугодной группы «деструктивным культом». Те же призывы к изоляции и поражению в правах. Я вдруг понял: то, что я принимал за современный феномен, имеет глубокие и тёмные корни. То, что казалось хаосом, оказалось продуманной, отточенной десятилетиями технологией.

Конвейером по производству врагов.

В тот день я понял, что это не просто череда провокаций. Это война. Но война нового типа — война в умах людей. Война, где главное оружие — не ракеты, а слова. Её архитекторы не носят военной формы. Они заседают в респектабельных фондах, выступают на конференциях, пишут «экспертные» заключения и консультируют правительства. Они терпеливо, шаг за шагом, ведут мир к точке невозврата.

Глава 1. Антикультизм: наукообразная маска для вековой ненависти

Чтобы понять, как работает машина ненависти, нужно было найти её чертежи. Чтобы вскрыть механизм, который день за днём превращает соседей во врагов, а веру — в мишень, требовалась отправная точка. Зацепка, нить, потянув за которую, можно было бы распутать весь зловещий клубок. И эта нить нашлась. Она десятилетиями пряталась на виду, в наукообразных терминах, сухих отчётах и речах уважаемых «экспертов». Она ждала своего часа, чтобы быть распознанной.

Это было одно слово. Слово-ключ, открывающее дверь в лаборатории современной пропаганды. **Антикультизм**. Его адепты, называющие себя «сектоведами», представляют это движение как благородную миссию по защите общества от «деструктивных культов» и «тоталитарных сект». Звучит как забота о национальной безопасности. Но за этой ширмой скрывается не наука, а её симулякр¹. Не защита, а нападение. Не диалог, а технология клеймения, отточенная до совершенства и уходящая корнями в самые мрачные подвалы европейской истории. Это идеология, разработанная для того, чтобы сделать ненависть уважаемой, а призыв к уничтожению — научным.

¹ Симулякр (от лат. *simulacrum* — подобие, образ) — это философский термин, который можно объяснить как имитацию науки. Он использует научную форму (фасад), чтобы придать вес и легитимность содержанию, которое на самом деле является политически мотивированной пропагандой (идеологической работой). Это подделка под науку, созданная для манипуляции общественным мнением и правовыми процессами.

Первый и главный инструмент этой технологии — **стигматизация**. Создание клейма. Вспомните жёлтые звёзды, которые нацисты заставляли носить евреев. Это был не просто опознавательный знак. Это был визуальный приговор, сигнал для остального общества:

«Перед вами — неполноценный, опасный, чужой». Точно так же работает и ярлык «сектант». Изначально нейтральные социологические термины в устах антикультистов превращаются в ругательства, в синонимы обмана, безумия и социального зла. Человек или группа, получившие такое клеймо, автоматически вычёркиваются из категории «нормальных». Они становятся париями, изгоями, цель для которых уже определена.

«Сектант» — это клеймо позора в нашем обществе. Стигматизированные люди становятся мишенями; их ненавидят, презирают и избегают. К ним подсознательно относятся с целым спектром негативных реакций: от пренебрежительного избегания до насилия, включая убийство. Когда клеймо поставлено, начинается следующий, ещё более страшный этап.

Это **дегуманизация**. Расчеловечивание. Чтобы оправдать агрессию, ненависть и, в конечном счёте, насилие, нужно лишить противника человеческого облика. Враг не должен вызывать сочувствия. Его нужно превратить в животное, в насекомое, в вирус, в бездушный механизм. Эта тактика стара как мир. Ещё во II веке римский языческий философ Цельс называл ранних христиан и иудеев «стаей летучих мышей», «роем муравьёв» и «червями, ползущими в навозной куче». В XX веке нацистская пропаганда изображала евреев в виде крыс и пауков, распространяющих заразу. Сегодня «сектоведы» используют тот же самый приём, называя верующих «зомби» или «человекообразными животными». Когда твой оппонент — не человек, а «червь» или «зомби», насилие против него перестаёт быть преступлением. Оно становится санитарной мерой. Защитой «здорового организма» общества от «инфекции».

За последние десятилетия одной из главных мишеней этой современной, наукообразной инквизиции стал Ислам. Старая, примитивная исламофобия, основанная на невежестве и страхе колониальных эпох, сегодня облачилась в мантию «экспертного знания». Ненависть к мусульманам подаётся не как дикий предрассудок, а как обоснованная борьба с «радикализмом», «экстремизмом» и «нетрадиционной религиозностью».

Главными проводниками этой идеологии в России стали два человека, чьи имена постоянно всплывают в контексте самых громких антиисламских кампаний, — Александр Дворкин и Роман Силантьев. Их деятельность — это хрестоматийный пример того, как работает машина антикультизма. Один из них, позиционирующий себя как «главный сектовед страны», специализируется на грубой дискредитации основ веры, атакуя её историю и священных для мусульман личностей. Другой, прикрываясь званием «исламоведа», работает тоньше, сея страх и недоверие к мусульманам, живущим здесь и сейчас, превращая любого практикующего верующего в потенциального экстремиста. Если один действует как таран, бьющий по фундаменту, то второй — как технолог, отравляющий воздух недоверием и враждой.

Деятельность этих людей — не частное мнение двух эксцентричных персонажей. Это системная работа, имеющая чёткую историческую родословную. Методы, которые они используют, — клеймение, дегуманизация, сотрудничество с силовыми структурами, создание «чёрных списков» — не были изобретены вчера. Они являются точной копией практик, отработанных в Третьем рейхе.

В нацистской Германии существовала организация под названием Апологетический центр (*Apologetische Centrale*), которую возглавлял лютеранский пастор Вальтер Кюннет. Официально центр занимался «изучением мировоззрений и сект». Фактически же он был идеологическим отделом Гестапо. Именно Кюннет и его сотрудники составляли списки «врагов Рейха» — свидетелей Иеговы, антропософов, христиан-пацифистов и других инакомыслящих. Эти списки, подкреплённые псевдонаучными заключениями о «духовной опасности» этих групп, затем передавались в СС и Гестапо для дальнейших репрессий: арестов, пыток, отправки в концлагеря. Как говорится в одном из расследований, «начало было положено, когда антикультовые активисты вроде Кюннета передали свои "черные списки" и архивы так называемых "культов" в СС и СД». Это была идеально отлаженная машина, в которой «эксперты»-богословы поставляли цели, а палачи из тайной полиции — исполняли приговор.

А теперь сравним. Нацистский Апологетический центр составляет списки «врагов». Российский «Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ириния Лионского» во главе с Дворкиным составляет списки «тоталитарных сект». Центр Кюннета передаёт данные Гестапо. Центр Дворкина готовит «экспертизы» для ФСБ и судов, читает лекции сотрудникам МВД. Нацистская пропаганда называет евреев «паразитами».

Современные антикультисты называют неугодных «сектант» или «экстремист». Нацисты вешали на евреев жёлтую звезду.

Связь здесь не просто метафорическая, она прямая, преемственная. Духовным наставником и учителем Александра Дворкина был датский антикультист Йоханнес Огорд. А Огорд, в свою очередь, был последователем идей того самого нацистского пастора Вальтера Кюннета. Дворкин унаследовал от Огорда не только его архив и методологию, но и саму эту эстафету ненависти, идущую прямоком из кабинетов идеологов Третьего рейха.

То, что мы наблюдаем сегодня, — это реинкарнация нацизма в новой, более хитрой и наукообразной упаковке. Вместо расовой чистоты — «защита традиционных ценностей» и

«духовной безопасности». Вместо Гестапо — антикультовые организации и «экспертные советы». Но суть осталась прежней: разделение людей на «своих» и «чужих», дегуманизация «чужих» и их последующее уничтожение — сначала социальное, а затем, если потребуется, и физическое.

Антикультизм — это технология геноцида, обёрнутая в псевдонаучную фразеологию. Разоблачив эту технологию, мы сделали лишь первый шаг. Но теперь перед нами встают новые, ещё более тревожные вопросы. Кто создал эту глобальную сеть ненависти? Кто её финансирует и направляет? Почему правительства многих стран, включая Россию, не только закрывают глаза на деятельность этих современных наследников нацизма, но и активно сотрудничают с ними, предоставляя им трибуны и используя их «экспертизу» для подавления собственных граждан?

Глава 2. Александр Дворкин и фабрика искажений

Чтобы разобрать антикультовую машину ненависти на составные части, необходимо начать с её главного механика. С того, кто десятилетиями отлаживал смертоносные шестерни пропаганды, смазывая их ядом клеветы и подгоняя под нужды заказчиков. Этим человеком, центральной фигурой антикультистского движения в России, является Александр Леонидович Дворкин. На первый взгляд его биография выглядит респектабельно: профессор, доктор философии, историк-медиевист, заведующий кафедрой сектоведения в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Он занимает пост заместителя председателя Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ и является бессменным президентом Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС).

Этот официальный фасад создаёт образ авторитетного учёного и государственного деятеля, радеющего о духовной безопасности страны. Но за ним скрывается совершенно иная реальность. Дворкин — не исследователь. Он — идеолог и практик информационного террора, ключевая фигура в системе, созданной для дискредитации и уничтожения любого инакомыслия. Его лекции для сотрудников правоохранительных органов, его «экспертные» заключения для судов и прокуратуры, его публичные выступления — всё это не научная

деятельность, а тщательно выстроенная кампания по клеймению и расчеловечиванию тех, кого он и его сеть назначают врагами. И одной из главных мишеней этой кампании на протяжении многих лет остаётся Ислам.

Оружие клеветы: Атака на Пророка и Коран

Фабрика искажений Дворкина работает по нескольким основным направлениям, одним из которых является прицельная атака на основы мусульманской веры и на личность Пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха). Понимая, что разрушить здание можно, лишь подорвав его фундамент, Дворкин направляет свои главные удары именно туда. В одной из своих лекций, озаглавленной «Происхождение Ислама. Нерассказанные истории», он выдаёт целую серию кощунственных и откровенно лживых утверждений, цель которых — лишить Ислам его божественного происхождения и представить его как нелепую выдумку или результат болезни.

Он называет Ислам «плагиатом», грубой компиляцией иудейских и христианских учений, а самого Пророка (мир ему и благословение Аллаха) — невежественным человеком, который, живя «на задворках христианского мира», нахватался обрывков чужих верований и создал из них собственное, «весьма ошибочное» мнение.

«Вера, которую проповедуют арабы — это по существу плагиат. Там те же самые персонажи: и Авраам, и Исаак, и Иаков, и Моисей... просто так вот Мухаммед слегка изменил».

Исказив природу возникновения Ислама, Дворкин переходит к его истории, утверждая, что распространение веры шло не через проповедь, а с помощью грабежей. Он рисует картину, в которой ранние мусульмане предстают не носителями новой веры, а бандами разбойников, нападавших на караваны. Эта ложь преследует ту же цель: криминализировать истоки Ислама, лишить его нравственного авторитета и представить его последователей потомками грабителей.

Дальше — больше. Дворкин, не имея ни медицинского, ни исламоведческого образования, берётся ставить «диагноз» самому феномену Откровения, полученного Пророком Мухаммадом (мир ему и благословение Аллаха). Он цинично предлагает три «версии» происхождения Корана:

«Либо Мухаммад страдал какой-то болезнью, и у него были болезненные видения, либо это была бесовская одержимость, либо, как опять же говорят византийские отцы, он был своего рода сочинителем, который всё это выдумал, и неожиданно для него самого его близкие в это поверили».

Болезнь, бесы или обман — таков «выбор», который предлагает «профессор сектоведения». Эта тактика — классический пример патологизации, низведения священного опыта до уровня психического расстройства или дьявольского наущения. Для Дворкина не существует четвёртого варианта — истинного Божественного Откровения. Его задача — внушить слушателю, что в основе Ислама лежит либо патология, либо ложь.

Системность и целенаправленность этих атак не оставляют сомнений: мы имеем дело не с критикой, а с технологией уничтожения. Но чтобы понять глубину этой одержимости, нужно задаться вопросом: что движет самим Дворкиным?

Психологический портрет и экстремистский труд

В 2014 году в сети были опубликованы документы, свидетельствующие о том, что в 1970-х годах Александр Дворкин состоял на учёте в психоневрологическом диспансере. Ему были поставлены диагнозы: «циклотимия» (форма маниакально-депрессивного психоза), «патологическое развитие личности» и «психофизический инфантилизм». Врачебная комиссия признала его негодным к несению службы и руководству общественными движениями. Этот факт заставляет по-новому взглянуть на его деятельность. Человек, страдающий от патологической потребности в самоутверждении и склонный к резким перепадам настроения, нашёл идеальную для себя нишу: он сам стал ставить «диагнозы» целым религиям и народам, клеймить и преследовать, проецируя на окружающий мир собственные внутренние проблемы. Его одержимость «тоталитарными сектами» и «контролем сознания» выглядит как попытка сублимировать собственные страхи и комплексы, облакая их в наукообразную форму.

Эта внутренняя предрасположенность нашла своё идеологическое обоснование в его главной книге — «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования». Этот труд, ставший библией для антикультистов, является концентрированным выражением ненависти ко всем неудобным религиозным и

философским течениям. Именно в нём Дворкин ввёл в оборот и популяризировал термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ» — ярлыки, не имеющие юридической силы, но ставшие мощным оружием в информационной войне.

Сам Дворкин прекрасно осознаёт неправовой характер этих терминов и цинично признаётся в этом:

«Если завтра мы введём юридический термин "секта", то послезавтра суды будут завалены исками от этих самых сект, которые потребуют: "А докажите-ка, что мы секта и представьте все... доказательства... что мы подпадаем под это определение". Большая часть этих исков будет проиграна... А сейчас у нас этого нет и поэтому мы можем свободно называть секты сектами».

Это признание — ключ к пониманию всей его методики. Он сознательно использует бездоказательные, но эмоционально заряженные ярлыки для клеймения неудобных, зная, что в правовом поле его обвинения не выдержат никакой критики.

Независимая юридико-лингвистическая экспертиза его книги, проведённая по тем же строгим критериям, которые Дворкин и его пособники применяют к своим жертвам, пришла к шокирующему выводу. Эксперты установили, что текст «Сектоведения» содержит «многочисленные и системно организованные лингвистические и психолингвистические признаки, характерные для «языка вражды». В книге Дворкин систематически использует приёмы демонизации и дегуманизации, называя последователей неудобных ему течений «маргиналами», «рабами» и даже создавая уничижительные неологизмы. Книга Дворкина «Сектоведение» содержит все признаки экстремистской литературы. Тот, кто строит свою карьеру на фабрикациях обвинений в экстремизме, сам оказался автором экстремистского текста.

Нацистское наследие и кровавый след в Боснии

Личные психологические проблемы и идеологическая ангажированность — это лишь часть картины. Деятельность Дворкина не была бы столь разрушительной, если бы не была встроена в глобальную сеть, имеющую чёткую историческую родословную. Как было показано ранее, эта линия преемственности ведёт прямоком к идеологам Третьего рейха: от нацистского пастора Вальтера Кюннета к датскому антикультисту Йоханнесу Огорду, а от

него — к Александру Дворкину. Дворкин не просто ученик Огорда, он был его правой рукой, вице-президентом созданной Огордом международной антикультовой организации Dialog Center International (DCI). Он унаследовал от учителя не только архив и методологию, но и саму эстафету ненависти.

Вся эта сеть сегодня действует под эгидой Европейской федерации центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS), зонтичной организации, более чем на 90% финансируемой правительством Франции. FECRIS и её филиалы, включая РАЦИРС Дворкина, систематически нарушают фундаментальные права человека, включая презумпцию невиновности и свободу вероисповедания. Лидеры FECRIS публично называют одни религиозные группы «раковой опухолью», а другие — «раем для педофилов», проигрывают суды по обвинениям в клевете, но продолжают свою деятельность на деньги французских налогоплательщиков.

Именно эта связь выводит нас на доселе малоизвестный эпизод в биографии «главного сектоведа» России. Эпизод, который напрямую связывает его с организаторами одного из самых кровавых геноцидов в Европе конца XX века. Речь идёт о войне в Боснии и резне в Сребренице.

В 1990-е годы, когда на Балканах разгорался пожар межнациональной и межрелигиозной ненависти, в Сербии действовала организация «Белградский диалог» — местный филиал сети Огорда. Этот центр, тесно сотрудничавший с Сербской православной церковью и военными, занимался идеологической обработкой сербской армии и общества. Используя антикультистскую риторику, он внушал ненависть к боснийским мусульманам и хорватам-католикам, клеймя их «сектами», «террористами» и «фундаменталистами».

Именно эта пропаганда, как позже установил Международный трибунал по бывшей Югославии, создала атмосферу страха и ненависти, которая привела к этническим чисткам и массовым убийствам. «Белградский диалог» издавал одноимённый журнал, служивший рупором этой человеконенавистнической идеологии.

А теперь — ключевой факт. В состав редакционного совета этого журнала, рядом с именами идеологов сербского национализма и организаторов геноцида, стояло имя **Александра Дворкина**.

Этот факт — не просто деталь биографии. Он доказывает, что Дворкин был не просто теоретиком «сектоведения». Он был прямым соучастником, членом команды, которая на практике обкатывала технологии разжигания геноцида. Его «научные» изыскания и оскорбительные выпады против Ислама — это не отвлечённые рассуждения, а часть той же самой работы, которая в Боснии привела к концлагерям, изнасилованиям и тысячам трупов в братских могилах. Находясь в редакционном совете «Белградского диалога», Дворкин стал неотъемлемой частью той машины, которая превращала православных сербов в палачей, а их соседей-мусульман — в жертв.

Итог деятельности: яд для прошлого и страх для настоящего

Таким образом, пазл складывается в единую, ужасающую картину. Александр Дворкин — это не просто эксцентричный профессор. Это центральный узел в глобальной антикультовой паутине ненависти, тянущейся из нацистской Германии через Данию и кровавые поля Боснии в сегодняшнюю Россию. Его антиисламская риторика — это не частное мнение, а апробированное оружие массового психологического поражения. Его деятельность в Министерстве юстиции и силовых структурах — прямое повторение сотрудничества Апологетического центра с Гестапо. Его книга «Сектоведение» — это современное пособие по разжиганию вражды.

Расследование деятельности этого человека вскрывает не просто биографию одного пропагандиста. Оно обнажает механизм, по которому теоретическая ненависть превращается в практический геноцид. Но Дворкин — не единственный оператор этой системы в России. Его работа — бить по основам веры, по священной истории. Его оружие — теологическая клевета и историческая фальсификация. И пока он разрушает фундамент, другие участники этой сети возводят стены страха в настоящем, превращая каждого практикующего мусульманина в потенциального террориста, а соседа — во врага.

Глава 3. Роман Силантьев: от «исламоведов» до идеологов страха

Если Александр Дворкин, о котором шла речь ранее, — это идеолог, подрывающий многовековой фундамент Ислама, то следующий ключевой антикультовый архитектор в России — это Роман Силантьев, его практик, технолог и инженер. Он не утруждает себя теологическими изысканиями и не погружается в историю, чтобы извратить её. Его метод гораздо проще и эффективнее для сиюминутных задач. Он не атакует прошлое — он превращает в оружие настоящее. Его цель — не доказать, что Ислам был «неправильным» полторы тысячи лет назад, а убедить всех, что он опасен здесь и сейчас, в каждом городе, в каждом доме, в лице каждого соседа-мусульманина.

Публичный образ Романа Силантьева тщательно выверен: он представляется как ведущий «исламовед», доктор исторических наук, профессор, автор многочисленных книг и статей. Его регулярно приглашают на государственные телеканалы, в ведущие вузы и на встречи с силовиками в качестве главного эксперта по «радикальному исламу». Он создаёт впечатление объективного учёного, который анализирует угрозы. Но за этой академической маской скрывается хладнокровный конструктор страха, чья работа заключается в том, чтобы сделать из мусульманской общины России образ внутреннего врага, легитимизировать репрессии и подготовить общество к расколу. Его деятельность — это не наука, это технология производства ненависти, отточенная и поставленная на поток.

Главный инструмент в арсенале Силантьева — это подмена понятий и манипулятивное использование терминологии. Он взял слово «ваххабизм» и превратил его в универсальный ярлык, которым можно заклеить любого неугодного мусульманина. В его трактовке «ваххабитом» может оказаться кто угодно. Как отмечается в одном из материалов информационного агентства «IslamNews», в своём выступлении в Пензе Силантьев предложил собственное, предельно расширительное толкование этого термина. По его словам, ваххабитами следует считать не только последователей Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба, но и «Братьев-мусульман», сторонников «Хизб ут-Тахрир», исламских миссионеров из «Таблиги Джамаат», а вишенкой на торте в этом списке стали «все мусульмане, "враждебные" православию».

Эта формулировка гениальна в своей подлости. Она позволяет объявить «ваххабитом» и, следовательно, «радикалом» и «экстремистом» любого, кто просто не согласен с доминирующей идеологией или смеет критиковать политику властей. Силантьев сознательно стирает грань между традиционным Исламом и радикальными течениями, чтобы затем заявить, что этой грани и вовсе нет. *«Если в христианстве раскол между православием или католичеством с баптистами, иеговистами очевиден, то грань между традиционным исламом и сектантским провести очень непросто»*, — заявляет он в своём интервью для тагильского издания «mstrok.ru». Эта фраза — ключ ко всей его методологии. Её цель — посеять в сознании чиновников, силовиков и обывателей сомнение: а вдруг тот мусульманин, что молится в мечети по соседству, — скрытый радикал? Эта неуверенность и есть тот плодородный слой, на котором произрастает тотальное недоверие.

Создав образ врага, Силантьев переходит к следующему этапу — его тотальной дегуманизации, расчеловечиванию. Он делает это с цинизмом, поражающим воображение. В том же интервью для «mstrok.ru» он произносит фразу, которая должна была бы навсегда закрыть ему доступ в любое приличное общество:

«Да что там, даже среди сатанистов адекватных людей больше, чем среди ваххабитов».

Вдумаемся в этот тезис. Сатанисты, поклоняющиеся злу и отрицающие все человеческие и божественные законы, в системе ценностей Силантьева оказываются «адекватнее», то есть человечнее, чем мусульмане, которых он произвольно записал в «ваххабиты». Это не просто оскорбление. Это сознательное выведение многомиллионной группы людей за рамки человеческой морали. Если мусульмане хуже сатанистов, значит, они — абсолютное зло. А с абсолютным злом не договариваются, его уничтожают. Этот приём, как показывает история, всегда предшествует массовому насилию. Сначала жертву лишают человеческого облика в глазах общества, а затем общество молчаливо одобряет её физическое уничтожение. В статье для сайта «Русская линия» от 2014 года Силантьев ещё раз подчёркивает этот тезис под заголовком *«Радикальные русские мусульмане превзошли сатанистов по криминогенности»*. Он не просто сравнивает — он выносит приговор, объявляя целую социальную группу более опасной, чем последователей культа дьявола.

Но абстрактного образа врага недостаточно, чтобы вызвать панику. Страх должен быть измеримым. И Силантьев даёт обществу конкретную, ужасающую цифру. В своём интервью для портала «Православие.Ru» от 2014 года на вопрос, сколько в России исламистов-радикалов, он без тени сомнения отвечает:

«Мы до семисот тысяч насчитывали. Это около пяти процентов всех мусульман в России, что с одной стороны немного, но с другой стороны очень много. Это больше, например, чем всех протестантских сектантов».

Семьсот тысяч. Эта цифра, брошенная в информационное пространство, начинает жить своей жизнью. Она не подкреплена никакой внятной социологией или статистикой. Кто эти «мы», которые насчитывали? По какой методике? Где списки? Ответов на эти вопросы нет и быть не может, потому что задача этой цифры — не информировать, а пугать. 700 тысяч — это целая армия. Это армия врагов, живущих среди нас, готовых в любой момент нанести удар. Этот тезис идеально ложится в сознание силовиков, оправдывая тотальную слежку и превентивные репрессии. Он ложится в сознание чиновников, заставляя их ужесточать миграционное законодательство. Он ложится в сознание обывателей, превращая соседа-мусульманина в потенциального террориста. Это и есть технология идеологов страха: создать фантом, придать ему пугающие масштабы и заставить общество поверить в его реальность.

Теоретические изыскания Силантьева не остаются просто словами. Они становятся фундаментом для вполне практической, репрессивной деятельности. Как сообщает «Новая газета. Европа» в материале «Кандидаты деструктивных наук», Силантьев является создателем собственной лженауки и руководит так называемой «Лабораторией деструктологических исследований» при Московском государственном лингвистическом университете. Эта «лаборатория» — не что иное, как конвейер по производству псевдонаучных «экспертиз». Именно заключения, выданные этой структурой, ложатся в основу многих уголовных дел против мусульман и других неугодных.

Схема работает безотказно. Сначала Силантьев и его коллеги через СМИ создают образ врага, используя ярлыки «ваххабит» или «экстремист». Затем, когда правоохранительные органы задерживают очередную «цель», «Лаборатория деструктологии» выдаёт нужное заключение, в котором на наукообразном языке доказывается, что человек действительно является носителем «деструктивной идеологии». Суды, не имея профильных знаний и

доверяя статусу «профессора» и «эксперта», принимают эти бумаги как веское доказательство вины. Так идеологическая ненависть превращается в тюремные сроки.

Деятельность Силантьева — это не частная инициатива. Он является важной частью системы, в которой произошло сращивание интересов определённых кругов в Русской православной церкви и силовых структурах. Как отмечают эксперты, например, в публикации на сайте Хельсинкского университета, *«Силантьев считается в мусульманских и экспертных кругах одним из основных спикеров близких к Русской православной церкви и силовикам политических кругов, системно работающих на ослабление влияния Ислама в РФ»*. Он озвучивает то, что выгодно этим кругам, придавая их интересам видимость научной обоснованности. Его роль — быть «научным» рупором для тех, кто стремится к полной монополии на духовную и политическую жизнь в стране.

Именно многолетняя работа Силантьева по созданию образа врага и дегуманизация мусульман подготовили почву для той чудовищной волны ксенофобии, которая захлестнула Россию после теракта в «Крокус Сити Холле» в марте 2024 года. Когда в СМИ прозвучало, что исполнителями были выходцы из Таджикистана, в сознании миллионов людей сработал спусковой механизм, который Силантьев и его сообщники создавали годами.

Общественное мнение уже было подготовлено к тому, чтобы увидеть в этой трагедии не преступление конкретных людей, а проявление сущности целого народа и религии. Как результат, массовые облавы на мигрантов, избиения на улицах, увольнения с работы, публичные пытки задержанных — всё это стало возможным потому, что общество было заранее убеждено: перед ним не люди, а «радикалы», «ваххабиты». Силантьев годами конструировал эту реальность в умах людей, и в марте 2024 года она обрушилась на улицы российских городов кровавым и жестоким кошмаром.

Так работа «исламоведа» в тиши кабинетов оборачивается трагедией для миллионов. Роман Силантьев, в отличие от Дворкина, не пытается спорить с Пророком Мухаммадом (мир ему и благословение Аллаха). Он делает нечто гораздо более страшное: он заставляет людей видеть врага в живых мусульманах, которые ходят с ними по одним улицам. Он создаёт атмосферу страха и подозрительности, в которой достаточно одной искры, чтобы разгорелся пожар гражданского конфликта. Его «наука» — это наука ненависти, а его «экспертиза» — это приговор, вынесенный целой цивилизации. И этот приговор уже начали приводить в исполнение.

Глава 4. «Крокус» и антиисламская волна: провокация под чужим флагом

Идеологическая машина, которую десятилетиями собирали и отлаживали такие конструкторы страха, как Роман Силантьев, не могла работать вхолостую. Она требовала топлива. Для того чтобы ненависть, годами вызревавшая в подсознании общества, вырвалась наружу и превратилась в реальное, осязаемое насилие, нужен был детонатор. Нужна была искра, способная поджечь пороховую бочку ксенофобии, которую так усердно наполняли антикультисты. Эта искра вспыхнула вечером 22 марта 2024 года в подмосковном «Крокус Сити Холле».

На первый взгляд, произошедшее — чудовищный, но, увы, знакомый по новостным сводкам акт терроризма. Группа вооружённых боевиков, выкрикивая лозунги, врывается в концертный зал, расстреливает беззащитных людей и поджигает здание. Ответственность на себя берёт запрещённая в России террористическая организация «Исламское государство». Официальные лица и государственные СМИ подхватывают эту версию, и маховик общественного гнева начинает раскручиваться в заданном направлении. Но если отстраниться от эмоций и навязанной повестки, если подойти к этой трагедии не как к новостному сюжету, а как к объекту журналистского расследования, то за дымовой завесой официальной версии начинают проступать контуры совсем другой, куда более страшной картины.

Картины, в которой теракт в «Крокусе» — это не спонтанная вылазка фанатиков, а тщательно срежиссированный спектакль. Кровавая постановка, разыгранная под чужим флагом, с единственной целью: направить волну народного гнева и страха точно в ту мишень, которую годами готовили пропагандисты, — на Ислам и мусульман России.

Пристальный анализ самого события, его предпосылок и обстоятельств вскрывает такое количество нестыковок, «случайностей» и необъяснимых фактов, что версия о тщательно спланированной провокации из гипотезы превращается в единственно логичное объяснение.

Чтобы понять истинную природу произошедшего, нужно задать ряд неудобных вопросов, которые официальное следствие и медиа предпочитают обходить стороной. Именно ответы на них, словно фрагменты пазла, складываются в ужасающую картину заранее подготовленного преступления.

Первый и самый очевидный вопрос: как российские спецслужбы, известные своей тотальной слежкой и эффективностью в подавлении любого инакомыслия, могли «проспать» подготовку теракта такого масштаба? Этот вопрос становится ещё более острым, если учесть, что о готовящейся атаке Москву предупреждали, причём заблаговременно и по разным каналам. Предупреждения поступали от целого ряда государств. Ещё 7 марта, за две недели до трагедии, посольство США в России опубликовало официальное предостережение для своих граждан, в котором говорилось о «неминуемых планах экстремистов атаковать большие скопления людей в Москве, включая концерты». К этому предупреждению присоединились Великобритания, Германия, Латвия и Чехия. Но самым весомым, пожалуй, было предупреждение, поступившее от Ирана.

Агентство Reuters со ссылкой на свои источники сообщило, что Тегеран передал Москве информацию о возможной крупной террористической операции, полученную в ходе допросов лиц, арестованных в связи со взрывами в Иране.

Иными словами, российские спецслужбы обладали не просто абстрактной информацией, а конкретными данными о готовящемся теракте. Как в этих условиях группа боевиков смогла беспрепятственно завершить подготовку, вооружиться и нанести удар в самом сердце столичного региона? Ответ на этот вопрос может быть только один из двух: либо мы имеем дело с преступной халатностью немыслимых масштабов, либо — с сознательным бездействием. Изучая последующие события, второй вариант выглядит всё более правдоподобным.

Следующий блок вопросов касается непосредственно момента атаки. Согласно многочисленным свидетельствам очевидцев, террористы действовали с поразительной дерзостью и ощущением полной безнаказанности. Они подъехали ко входу в «Крокус», вышли из машины и начали расстреливать людей, не встречая абсолютно никакого сопротивления. Где в этот момент была охрана огромного концертного комплекса? Где были наряды полиции, которые в дни массовых мероприятий всегда дежурят поблизости? Возникает вопрос — почему в столичном регионе России, где количество сотрудников

правоохранительных органов на душу населения одно из самых высоких в мире, не оказалось сил, способных быстро защитить мирных граждан?

Но ещё более шокирующими выглядят свидетельства о том, что сотрудники полиции, находившиеся в непосредственной близости от места трагедии, не предприняли никаких действий для её предотвращения. Некоторые очевидцы сообщали, что полицейские машины стояли рядом, но никто не попытался вмешаться. Обезвреживание хорошо вооружённых террористов — задача спецназа, но первая реакция любого патрульного полицейского на звуки выстрелов — это оцепление района и вызов подкрепления. Ничего этого сделано не было. Террористы получили драгоценное время, чтобы беспрепятственно войти внутрь, расстрелять десятки людей и начать поджог.

Базы ОМОНа и СОБРа, элитных подразделений Росгвардии, предназначенных для борьбы с терроризмом, находятся всего в нескольких минутах езды от «Крокус Сити Холла». Тем не менее, спецназ прибыл на место лишь спустя более часа после начала стрельбы. За это время боевики успели совершить своё чёрное дело и скрыться. Этот часовой зазор, эта необъяснимая пауза в действиях силовых структур выглядит не как заминка, а как намеренно предоставленный «зелёный коридор». Складывается стойкое ощущение, что кто-то очень влиятельный отдал приказ «не вмешиваться», позволив трагедии разыграться по заранее написанному сценарию.

Третий пласт вопросов связан с самим зданием. Почему огромный современный комплекс, рассчитанный на тысячи посетителей, превратился в огненную ловушку? Почему аварийные пожарные выходы в «Крокус Сити Холле» были заблокированы, что привело к тому, что от пожара погибло больше людей, чем от огнестрельных ранений во время теракта? Действительно, многие выжившие рассказывали, что они не могли найти открытые эвакуационные выходы, а те, что были, оказались заперты. Кроме того, системы пожаротушения и дымоудаления, обязательные для таких объектов, по всей видимости, либо не сработали, либо их мощность была недостаточной. Огонь распространился с молниеносной скоростью, охватив всю кровлю гигантского здания. Специалисты по пожарной безопасности в один голос утверждают, что для такого быстрого распространения огня простого поджога в зрительном зале было бы недостаточно. Это указывает на возможность использования специальных зажигательных средств или даже на заранее подготовленные очаги возгорания.

Здание, которое должно было быть крепостью безопасности, на деле оказалось смертельной ловушкой, идеально подготовленной для максимизации числа жертв. И это ещё один факт, который не вписывается в версию о простой вылазке террористов-одиночек. Такое «стечение обстоятельств» требует тщательной внутренней подготовки и, возможно, содействия со стороны персонала или владельцев комплекса.

И, наконец, четвёртый, финальный акт этого кровавого спектакля — побег террористов. После совершения массового убийства и поджога, группа боевиков спокойно садится в тот же самый белый «Рено», на котором приехала, и уезжает. Они движутся по самым оживлённым трассам Подмосковья и соседних областей, в то время как все силовые структуры страны уже должны быть подняты по тревоге и действовать по плану «Перехват». Москва и её окрестности — один из самых контролируемых регионов мира, нашпигованный камерами видеонаблюдения с системами распознавания лиц и номеров. Как в этих условиях автомобиль с террористами мог проехать сотни километров, прежде чем его, якобы, задержали в Брянской области, почти у границы с Украиной?

Эта часть истории выглядит наиболее фантастичной. Она противоречит всей логике работы современных систем безопасности. Либо эти системы внезапно и повсеместно отказали, либо кто-то намеренно отключал их на пути следования автомобиля, расчищая террористам путь к отступлению. Вся эта цепочка «невероятных совпадений» — проигнорированные предупреждения, бездействие силовиков, заблокированные выходы, лёгкий побег — складывается в единую картину. Это не цепь трагических случайностей и провалов. Это признаки безупречно спланированной и реализованной операции под чужим флагом.

Когда отдельные детали расследования не сходятся, это может быть ошибкой. Когда вся картина рассыпается на нелогичные фрагменты, это — признак умышленной фальсификации. Теракт в «Крокусе» был выгоден не тем, кто взял на себя за него ответственность. Он был выгоден тем, кто получил в свои руки идеальный инструмент для разжигания ненависти. Подобные теракты — это излюбленный инструмент тех самых сил, которые сегодня называются сетью антикультовых организаций. Цель такого акта — не просто убить людей, а посеять страх, расколоть общество и направить его гнев на заранее выбранную мишень.

В данном случае мишень была определена задолго до 22 марта 2024 года. Это Ислам. Это миллионы мусульман, живущих в России. Это трудовые мигранты из Центральной Азии. Сразу после теракта, когда ещё не были известны все обстоятельства, в информационное пространство был сделан целенаправленный вброс: исполнители — таджики. Этот факт моментально стал главным, заслонив собой все неудобные вопросы о провале спецслужб. С этого момента трагедия перестала быть просто терактом. Она стала «терактом, совершённым таджиками», а в сознании обывателя, обработанного многолетней пропагандой, — «терактом, совершённым мусульманами».

Именно в этом и заключалась главная цель провокации. Не в убийстве 145 человек, хотя их жизни стали разменной монетой в этой циничной игре. А в том, чтобы получить моральное право и общественную поддержку для запуска новой, ещё более жестокой волны репрессий и ненависти. Подобные инциденты — это способ спровоцировать мусульманское сообщество на ответные действия.

Таким образом, теракт в «Крокус Сити Холле» предстаёт не как атака исламистов на Россию, а как атака внутренних врагов России на её собственное будущее. Это была кровавая жертва, принесённая на алтарь гражданского конфликта. Жертва, призванная окончательно расколоть общество по религиозному и национальному признаку, легитимизировать насилие и превратить соседа во врага. Это был идеально исполненный акт информационно-психологического террора, последствия которого оказались страшнее самого взрыва и выстрелов. Он открыл шлюзы для той самой волны антиисламской ненависти, для которой идеологи вроде Дворкина и Силантьева годами строили плотину. И эта волна, сметающая на своём пути остатки законности и человечности, хлынула на улицы российских городов.

Глава 5. «Таджик = Террор»: ярлыки и дегуманизация

Волна, для которой годами строили плотину, прорвалась. Идеологическая машина, которую так усердно отлаживали антикультовые архитекторы ненависти, дала свой чудовищный урожай. Трагедия в «Крокус Сити Холле» стала не просто очередным актом насилия, а активатором, заложенной в подсознание российского общества программы тотальной

ксенофобии. Дым над сгоревшим концертным залом ещё не рассеялся, а по стране уже катилась огненная волна ненависти, направленная не на абстрактных террористов, а на конкретную, заранее назначенную мишень — на таджиков, на мигрантов, на всех мусульман, кто оказался под рукой.

Произошедшее после 22 марта 2024 года невозможно описать сухим языком фактов, потому что это было нечто большее, чем просто общественная реакция. Это было явление сродни коллективному психозу, срежиссированному и управляемому. На стенах домов, где жили выходцы из Таджикистана, в Орле и других городах спешно, словно выплевывая яд, выводили примитивную и страшную в своей простоте формулу: «Таджик = Террор». Этот короткий, хлесткий лозунг стал не просто актом вандализма, а технологией клеймения, методом мгновенной и тотальной дегуманизации. Этот приём один в один повторяет методы нацистов, которые заставляли евреев носить жёлтые звёзды.

В одночасье человек терял имя, профессию, личную историю. Он переставал быть строителем, водителем, врачом, отцом семейства. Он становился носителем ярлыка, мишенью для коллективной ненависти. Вся сложность человеческой личности сводилась к двум словам, превращавшим его в объект для страха, презрения и насилия. Этот процесс, как отмечают исследователи, является обязательным этапом на пути к массовым репрессиям. Дегуманизация лишает жертву права на сочувствие и делает насилие в отношении неё психологически приемлемым, а порой и желательным.

И это насилие не заставило себя ждать. Оно хлынуло на улицы, в общественный транспорт, в интернет. «Если ты таджик, я с тобой не поеду», — писали клиенты таксопарков в отказных сообщениях, которые приводит издание «Meduza». Этот бытовой, почти будничный расизм был лишь верхушкой айсберга. Под водой скрывалась куда более тёмная и организованная сила.

Сразу после теракта силовые структуры по всей стране начали масштабные облавы под кодовым названием «Антимигрант». Но это была не обычная проверка документов. Это была карательная акция, в ходе которой презумпция невиновности была отменена по национальному признаку. «Полиция хватает на улице почти всех мигрантов, особенно с таджикским паспортом», — сообщала Русская служба ВВС. Правозащитники забили тревогу, фиксируя сотни и тысячи случаев незаконных задержаний, избиений и ограблений со стороны тех, кто должен был защищать закон.

Правозащитница Валентина Чупик, специализирующаяся на проблемах мигрантов, описывала происходящее как конвейер беззакония. Её свидетельства, собранные по горячим следам, рисуют картину тотального террора, развязанного государством против беззащитных людей.

«Сейчас я на связи с ребятами, гражданами Узбекистана, которые работали в Балашихе, работали легально. К ним в общежитие ворвались сотрудники Росгвардии и полиции, всех избили, положили на пол, а потом увезли в отделение. Задержали 78 человек. Людей ограбили, отняли все деньги, заставили делать переводы на карту. Но самое печальное в этой истории — в общежитии их избивали арматурой. Одному выбили глаз, просто вырвали из глазницы, другому той же арматурой сломали в трёх местах руку».

Суды превратились в штамповочные цеха по вынесению депортационных приговоров, часто без слушаний и соблюдения элементарных процедур. «Это было потрясюще, когда в воскресенье, в Мещанском суде города Москвы, во двор привезли около 280 человек, — рассказывает Чупик. — После нескольких часов стояния на морозе во дворе, без еды, воды и туалета, в окошко выглянула судья и через окошко сказала: "Именем Российской Федерации все выдворены", и закрыла окно. Всё».

В этой атмосфере страха и беззакония даже статус дипломата перестал быть защитой. 8 апреля в Москве полицейские взломали дверь и ворвались в квартиру советника посла Киргизии Манаса Жолдошбекова, грубо нарушив Венскую конвенцию о дипломатических сношениях. Если так поступали с теми, кто обладал дипломатическим иммунитетом, можно лишь догадываться, что происходило с обычными трудовыми мигрантами, лишёнными всякой защиты. Десятки людей просто исчезали после задержаний. «Мы знаем только, что их задержали вместе с несколькими другими таджиками. Куда их увезли и что с ними стало, мы не знаем», — рассказывал радио «Озоди» житель Восейского района, чей сын и двое братьев пропали в Москве 23 марта.

Кульминацией этой кампании по расчеловечиванию стала публичная демонстрация пыток задержанных по подозрению в совершении теракта. Кадры, на которых одному из подозреваемых отрезают ухо и заставляют его съесть, а другого пытаются током, подключив провода к гениталиям, были целенаправленно слиты в провластные Telegram-каналы. Это был беспрецедентный в новейшей истории России акт. Пытка перестала быть тайным

грехом системы; она стала её публичным манифестом, демонстрацией того, что отныне в отношении «террористов» — а под этим ярлыком теперь мог оказаться любой таджик — не действуют никакие законы и нормы морали.

Общество, шокированное жестокостью теракта, в значительной своей части оказалось готово принять и оправдать эту ответную жестокость. Это стало возможным потому, что почва для этого была тщательно подготовлена. Этот взрыв слепой жестокости не был спонтанным. Он был удобрен многолетней пропагандой, методично конструирующей образ врага. Технологи ненависти, такие как Роман Силантьев, годами внушали обществу мысль о «сотнях тысяч радикалов», прячущихся среди мусульман. Он без устали повторял, что «даже среди сатанистов адекватных людей больше, чем среди ваххабитов», приравнивая к последним практически всех неугодных мусульман. Александр Дворкин, в свою очередь, описывал инакомыслящих как бесов и нелюдей.

Их язык вражды, долгое время казавшийся маргинальной риторикой, после «Крокуса» стал мейнстримом. Слова превратились в арматуру в руках полицейских, в дубинки омоновцев, в несправедливые судебные приговоры. Дегуманизация, начавшаяся в лекционных залах и на страницах псевдонаучных трактатов, завершилась в камерах пыток и переполненных спецприемниках для мигрантов. Эта технология дегуманизации, навешивания ярлыков, травли в СМИ — есть самый настоящий информационный терроризм! Жертвами этого террора стали тысячи мигрантов-мусульман.

Трагедия была немедленно использована и для продвижения политических целей. 27 марта, всего через пять дней после теракта, под председательством Патриарха Кирилла состоялся внеочередной съезд Всемирного русского народного собора (ВРНС). На нём война в Украине была названа «священной», а в принятом по итогам съезда Наказе был отдельный пункт, посвященный новой миграционной политике. Момент был выбран безошибочно: на фоне всеобщего страха и ненависти к мигрантам любые, даже самые жёсткие, меры казались оправданными и необходимыми.

Провокация, осуществлённая в «Крокусе», достигла своей цели. Она не просто унесла жизни 145 человек. Она легитимизировала насилие в отношении миллионов. Она превратила простое этническое происхождение в признак виновности, применив нацистский принцип коллективной ответственности, известный как *Sippenhaft* —

«родственная ответственность». Ответственность за преступление, совершённое горсткой нелюдей, была возложена на целый народ, на последователей целой религии.

Формула «Таджик = Террор» оказалась не просто ксенофобским лозунгом, а мощнейшим оружием в цивилизационной войне. Это оружие, активированное выстрелами в «Крокусе», разорвало ткань общества, превратив соседей во врагов, а сограждан — в подозреваемых. Оно открыло шлюзы для волны ненависти, которая, как оказалось, была готова вырваться в любой момент. Нужно было лишь нажать на курок.

Глава 6. Сожжение Корана: глобальная антиисламская кампания

Волна насилия, захлестнувшая Россию после теракта в «Крокусе», обнажила страшную правду: дегуманизация — это не просто риторический приём, а технология, превращающая людей в мишени. Но физическое насилие, облавы и пытки — это лишь один, самый грубый и очевидный инструмент из арсенала тех, кто ведёт войну в умах. Существуют и более изощрённые методы воздействия, нацеленные не на тела, а на внутренний мир человека. Их цель — не столько уничтожение или увечье, сколько нанесение удара по основам идентичности и веры огромного числа людей. Одним из таких способов становится демонстративное сожжение Священного Корана.

На первый взгляд, эти акции, вспыхивающие то в Швеции, то в Дании, то в России, могут показаться выходками маргиналов-одиночек, безумцев или ультраправых провокаторов. Медиа преподносят их как проявление «свободы слова», пусть и на грани фола, а бурную и болезненную реакцию мусульманского мира — как доказательство его «нетерпимости» и «неготовности к диалогу». Но если взглянуть на эти события не как на разрозненные инциденты, а как на части единой, хорошо скоординированной кампании, открывается совсем иная картина. Картина, в которой сожжение Корана — это не случайность, а тщательно откалиброванная психологическая операция, глобальный информационный теракт, преследующий одну цель: спровоцировать конфликт и разжечь пламя цивилизационной войны.

Механизм этой провокации гениален в своей циничной простоте и работает безотказно. Он состоит из четырёх последовательных тактов.

Первый такт — **действие**. На сцену выводится исполнитель, как правило, маргинальная фигура, на которую легко повесить ярлык «фанатика» или «радикала». Этот человек совершает акт кощунства — публично сжигает или оскверняет Коран. Действие снимается на видео и мгновенно распространяется в сети. Провокация совершена.

Второй такт — **реакция**. Для мусульманина Коран — это не просто книга, это прямое Слово Аллаха, высшая святыня. Его осквернение воспринимается как глубочайшее оскорбление, удар в самое сердце веры. Реакция мусульманского мира предсказуема, эмоциональна и неизбежна. Это гнев, боль, возмущение, которые выливаются в массовые протесты, требования наказать виновных и защитить святыню. Именно этой реакции, этой ответной волны, и добиваются организаторы.

Третий такт — **медийное искажение**. В этот момент в игру вступают средства массовой информации, зачастую действующие в унисон с провокаторами. Фокус новостных сюжетов смещается с первопричины — акта кощунства — на его следствие. Вместо анализа самой провокации и осмысления причины конфликта медиа начинают транслировать картинку «неконтролируемой агрессии» мусульман. Мировые СМИ наполняются кадрами горящих флагов, гневных толп и резких заявлений. Мусульман выставляют как нецивилизованных дикарей, неспособных к цивилизованному диалогу, в то время как истинные дикари, совершившие акт вандализма, уходят на второй план, а то и вовсе представляются «защитниками свободы слова».

Четвёртый такт — **политические последствия**. Общественная дискуссия полностью меняет свой вектор. Вместо обсуждения недопустимости оскорбления религиозных чувств, политики и «эксперты» начинают говорить об «угрозе исламского радикализма», о «несовместимости ценностей» и о необходимости ужесточения законодательства. Провокаторы достигают своей цели: ненависть и недоверие к Исламу в обществе возрастают, укрепляются антимигрантские и ультраправые позиции, а мусульманские общины сталкиваются с новым витком недоверия и давления.

Этот сценарий — типичный пример того, как технологии дегуманизации и манипуляции общественным мнением используются для усиления социальной напряжённости и размежевания.

Этот механизм не возник на пустом месте. Одной из самых громких его «генеральных репетиций», которая стала своего рода прецедентом для последующих антиисламских кампаний, стал скандал 2005 года в Дании.

Тогда датская газета *Jyllands-Posten* опубликовала серию карикатур на Пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха). Последствия были предсказуемы: взрыв негодования в мусульманском мире, массовые протесты, дипломатический кризис между странами и, как итог, — резкий рост исламофобии в Европе.

Но это была не просто инициатива одной газеты.

Нагнетание напряжённости в медиа и углубление социальных расколов зачастую происходит при активном участии антикультовых организаций (последователи идеологов нацистского Апологетического центра) и их риторики. Их задача — конструировать и усиливать образы внутренних и внешних врагов, подчеркивать разницу между «своими» и «чужими», использовать споры вокруг религиозных текстов и вероучений для увеличения конфликтности.

Например, российский антикультовый деятель Александр Дворкин известен своими жесткими и нередко оскорбительными высказываниями о различных религиозных традициях, в том числе и о Пророке Мухаммаде. Кроме того, его имя фигурировало в дипломатическом скандале между Россией и Индией — поводом стала попытка представить «Бхагавад-гиту как она есть» как экстремистский материал, что вызвало волну возмущения в индийском обществе и официальную реакцию на уровне властей.

Таким образом, антикультовые сети способствуют усилению напряжённости между религиозными и культурными общностями, используя медиaprостранство для дальнейшего углубления разломов.

Десятилетиями ими создавалась идеологическая база, благодаря которой подобные провокации воспринимаются не как подлость, а как якобы необходимая защита европейских или традиционных ценностей.

То, что произошло в Дании в 2005 году, стало лекалом, по которому антиисламские сети начали действовать по всему миру. Спустя почти двадцать лет, в 2023 году, мы стали свидетелями новой, куда более масштабной и синхронизированной волны провокаций.

Теперь подобные акции, такие как публичное сожжение Корана, происходили одновременно сразу в ряде стран.

География акций поражает своим размахом: Швеция, Дания, Германия, Россия — сценарий был везде практически идентичным. Такое совпадение говорит как минимум о тесной взаимосвязи между инициаторами и об активном распространении провокационных технологий между странами

В Швеции главным исполнителем стал Расмус Палудан, лидер ультраправой партии. Он демонстративно сжёг Коран у посольства Турции в Стокгольме. Как позже выяснило издание *The Guardian*, разрешение на эту акцию было оплачено журналистом, связанным с прокремлёвскими медиа. Этот факт — важнейшая улика, указывающая на тот самый российский след, который красной нитью проходит через всю деятельность глобальной сети антикультизма. Вскоре акции сожжения Корана стали в Швеции регулярными, создавая в стране атмосферу перманентного межрелигиозного напряжения. Они также привели к серьёзному дипломатическому кризису, задержав вступление страны в НАТО.

В Дании эстафету подхватила группа под названием «Датские патриоты». Они неоднократно сжигали священную книгу мусульман у посольств исламских стран (Ирака, Турции и Египта), каждый раз снимая свои действия на видео и распространяя их в социальных сетях. Эти события усилили волну протестов в мусульманских странах, уже начавшуюся после аналогичных акций в Швеции. А в самой Дании неумолимо нарастало межцивилизационное напряжение.

В Германии провокаторы действовали ещё более нагло. Как сообщало издание *Daily Sabah*, сожжённый Коран выбросили из движущегося автомобиля возле мечети. Здесь цель была ещё более очевидной — не просто оскорбить, а запугать, показать мусульманам, что они не находятся в безопасности даже у порога своего молитвенного дома.

И, наконец, Россия. В мае 2023 года девятнадцатилетний житель Волгограда сжёг Коран на фоне мечети, сняв это на видео. Дело получило огромный резонанс, его немедленно передали в Чечню, где с молодым человеком расправились в лучших традициях беззакония, публично продемонстрировав его избиение. Но за всей этой показательной поркой остался без ответа главный вопрос: кто был заказчиком? Кто внушил молодому человеку идею совершить этот акт, прекрасно понимая, какие последствия он вызовет? На

фоне многолетней антиисламской пропаганды, ответ кажется очевидным. Эта акция стала лишь локальным проявлением глобальной стратегии.

Все эти инциденты, разбросанные по карте Европы, складываются в единую мозаику. Это не спонтанные вспышки ненависти. Это хорошо спланированная кампания, где у каждого своя роль. Маргиналы-исполнители поджигают книги. Лояльные медиа поджигают общественное мнение. А архитекторы ненависти, сидя в своих «исследовательских центрах», потирают руки, наблюдая, как мир шаг за шагом приближается к той самой «цивилизационной войне», которую они так усердно готовят.

Конечная цель этой стратегии — не просто дискредитировать Ислам. Цель — довести мусульманский мир до точки кипения, спровоцировать на масштабные, возможно, даже насильственные ответные действия. Такая реакция позволит затем объявить весь Ислам «религией террора» и получить карт-бланш на его тотальное подавление. Это дьявольский план, в котором мусульман сначала провоцируют, а затем наказывают за спровоцированную реакцию, выставляя их агрессорами в войне, которую развязали против них.

Сколько ещё случаев осквернения исламских святынь должно произойти, чтобы ситуация достигла критической точки? Сколько ещё карикатур на Пророка (мир ему и благословение Аллаха) или других провокационных публикаций, включая те, что инициированы или поддерживаются антикультовыми представителями, должно появиться, чтобы напряжённость вышла из-под контроля? Сколько ещё трагических событий или террористических атак потребуется, чтобы вспыхнул огонь тотального противостояния и мир раскололся надвое, оказавшись на грани масштабного противостояния?

И пока мы воспринимаем эти акции как выходки сумасшедших, а не как военную, террористическую операцию в информационном поле, мы остаёмся беззащитными перед этой угрозой, позволяя манипуляторам вести нас по пути, ведущему прямо в ад глобального межрелигиозного конфликта.

Глава 7. Манипуляция общественным восприятием и антиисламский эффект

Когда пламя, пожирающее священные страницы Корана, гаснет, остаётся не только пепел. Остаётся образ, прочно закреплённый в сознании миллионов. Образ агрессивной, нетерпимой реакции мусульман, который услужливо тиражируют мировые СМИ. Провокация достигает своей цели, и очередной виток ненависти раскручивается с новой силой. Но как столь грубый и, казалось бы, очевидный приём информационного воздействия может работать снова и снова? Почему общество, вместо того чтобы осудить кощунство, начинает осуждать реакцию на него?

Почему здравомыслящие люди, наблюдая за чередой терактов, скандальных заявлений «экспертов» и актов вандализма, приходят к одному и тому же выводу: «Проблема — в Исламе»?

Ответ на этот вопрос лежит в области современных методов массовой манипуляции и информационного воздействия. Эти технологии не кричат лозунги и не отдают прямых приказов. Они действуют тихо, незаметно и терпеливо, проникая в подсознание и заставляя человека поверить, что он мыслит самостоятельно. Ключ к такому воздействию — использование разрозненных, но согласованных информационных сигналов, которые постепенно формируют желаемое мировоззрение.

Это — методы незаметной психологической манипуляции, основанные на поэтапном внедрении в общественное сознание отдельных, тщательно подобранных информационных фрагментов. Каждый такой фрагмент сам по себе может не выглядеть как прямая пропаганда: это может быть новостной репортаж, цитата «учёного», шокирующий видеоролик или эмоциональный пост в социальной сети. Но, последовательно воздействуя на человека, эти элементы собираются в единую, предвзятую, целостную и абсолютно враждебную картину.

После серии таких информационных воздействий и кампаний через СМИ и социальные сети, человек, становясь объектом манипуляции, оказывается под контролем тех, кто формирует для него определённую систему взглядов и подталкивает к нужным выводам.

В результате человек совершает действие или приходит к выводу, будучи твёрдо уверенным, что это его личное, суверенное мнение. Он не встречался с вербовщиками, не получал инструкций, ему никто ничего не приказывал. Он «сам всё понял», проанализировав факты. Но в действительности он лишь послушно прошёл по маршруту, проложенному для него невидимой рукой манипулятора.

Антиисламская сеть, ведущая мир к цивилизационной войне, довела методы такого влияния до совершенства. Используемые ими схемы манипуляции строятся из нескольких ключевых элементов, каждый из которых выполняет свою функцию.

Первый элемент — идеологический яд. Это фундамент, на котором строится вся конструкция ненависти. Его поставляют в том числе «эксперты»-антикультисты, такие как Александр Дворкин и Роман Силантьев. Их задача — создать псевдонаучное, интеллектуальное оправдание для исламофобии. Они не призывают к насилию напрямую. Они действуют тоньше: отравляют сами основы веры.

Когда Дворкин в своих лекциях цинично рассуждает о происхождении Корана, предлагая на выбор версии — «болезнь», «бесовская одержимость» или «сочинительство», — он закладывает в сознание слушателя опасное сомнение, подрывая саму божественную природу Ислама, низводя священное Откровение до уровня патологии или обмана. Когда он называет Пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха) невежественным человеком, который якобы нахватался обрывков чужих верований, он бьёт по авторитету самой почитаемой личности в Исламе. Это не критика, это интеллектуальная диверсия, деструктивная манипуляция на уровне идей.

За ним следует Силантьев, который работает с настоящим. Он не утруждает себя теологией, его задача — напугать. И он делает это мастерски. В 2017 году на лекции в Нижнем Тагиле он произнёс фразу, которая стала его визитной карточкой: «Даже среди сатанистов адекватных людей больше, чем среди ваххабитов».

Для большинства россиян, которые слышат это по телевизору или в интернете, разницы между «ваххабитом» и просто «мусульманином» не существует. В голове обывателя борода, молитва, мечеть — и всё, ты уже в зоне риска. Слово «ваххабит» в обыденном сознании давно слилось с самим исламом. Поэтому, когда Силантьев говорит «ваххабиты хуже сатанистов», миллионы людей слышат: «мусульмане хуже сатанистов». А дальше он добавляет:

«В России сейчас насчитывается около семисот тысяч сочувствующих им, а это означает, что нам стоит опасаться возможных терактов».

Это акт тотальной дегуманизации. Этот фрагмент сообщает подсознанию: «Те, кого мы обсуждаем, — не совсем люди, они хуже воплощения зла, и по отношению к ним не действуют обычные нормы морали». Его же страшилки о «семистах тысячах сочувствующих», создают образ огромной, невидимой армии врагов, живущих среди нас. Эти идеологические штампы не формируют ненависть мгновенно, а действуют как медленный яд. Они создают фон, на котором все последующие события будут восприниматься через заранее заданную призму.

Второй элемент — эмоциональная провокация. После того как заложена идеологическая база, вызывается сильная эмоциональная реакция. Здесь в ход идут такие приёмы, как сожжение Корана или публикация кощунственных карикатур. Как мы уже разбирали, цель этих акций — не «свобода слова», а провокация предсказуемого и бурного гнева мусульман.

Человек, чьё сознание уже отравлено рассказами о «радикалах» и «нетерпимости Ислама», видит по телевизору кадры массовых протестов в исламских странах. Он видит гневные лица, горящие флаги, слышит резкие заявления. Подготовленные идеологические установки начинают работать, подтверждаясь в новых событиях. «А ведь "эксперты" были правы, — думает он. — Вот они, эти нетерпимые и агрессивные мусульмане. Из-за какой-то книжки готовы весь мир сжечь». Он не видит кощунства, спровоцировавшего эту боль. Он видит только «неадекватную» реакцию, которая идеально укладывается в картину, нарисованную для него пропагандистами. Эмоциональная провокация работает как триггер, который активирует и подтверждает ранее заложенные идеологические установки.

Третий элемент — травматический шок. Это самый мощный и жестокий элемент. Его задача — отключить критическое мышление и вызвать глубинную, иррациональную ненависть через страх и боль. Инструментом здесь служат террористические акты, которые немедленно и безапелляционно связываются с Исламом.

Трагедия в «Крокус Сити Холле» — хрестоматийный пример работы этого механизма. Ещё не остыли руины, ещё не были опознаны все погибшие, а в информационное пространство уже был сделан и растиражирован главный вброс: «исполнители — таджики». Для

обывателя, обработанного пропагандой, эта информация стала спусковым крючком. В его сознании сработала смертоносная цепочка: таджики → мигранты → мусульмане → террористы. И вся та армия радикалов, о которой говорил Силантьев, вдруг обрела плоть и кровь в лице четверых нелюдей с автоматами.

В момент шока и скорби человек наиболее уязвим для манипуляции. Его сознание ищет простое и понятное объяснение произошедшему ужасу. И тут ему преподносят готовый ответ, который идеально ложится на подготовленную почву. Травма от теракта соединяется с идеологическим ядом и эмоциональными провокациями, и картина вражды складывается полностью. Ужас и страх превращаются в ненависть, направленную на конкретную, заранее обозначенную цель. Человек видит надпись на стене «Таджик = Террор» и не ужасается нацистскому методу клеймения, а кивает в знак согласия: «Так и есть». Он видит кадры чудовищных пыток задержанных и не возмущается беззаконием, а думает: «С ними только так и надо».

Манипуляция завершена — человек сам становится её участником и распространителем.

Финальный этап — это самостоятельная интерпретация, когда объект воздействия делает выводы, которые ему кажутся полностью собственными и обоснованными. Он видит «связь» между лекциями Дворкина, Силантьева, горящим Кораном в Швеции, акциями протеста мусульман и расстрелом людей в «Крокусе». Он приходит к «логическому» выводу: всё это — проявления одной и той же агрессивной и человеконенавистнической сущности по имени Ислам.

Этот вывод кажется ему его собственным открытием, результатом его независимого мышления. Он горд собой: «Меня не обманешь пропагандой, я сам вижу, что происходит!». Он не осознаёт, что стал идеальной жертвой, что ему аккуратно разложили на столе кусочки мозаики, и он с энтузиазмом собрал из них ту самую картину, которая была задумана манипулятором. Эта убеждённость в собственной правоте и самостоятельности выводов — высший пилотаж информационного терроризма, его самая большая победа.

Именно этот антиисламский эффект, достигаемый благодаря совокупности методов манипулирования, становится одним из способов развязывания цивилизационного конфликта. Он создаёт в обществе питательную среду для ненависти. Он легитимизирует дискриминацию и насилие. Он готовит народы к тому, чтобы видеть врага в соседе по

лестничной клетке. Он превращает миллионы обычных граждан в невольных солдат на невидимом фронте, где линия огня проходит не по земле, а прямо через их сердца и умы.

Понимание и разоблачение этих манипулятивных механизмов, умение видеть не разрозненные элементы, а всю картину целиком — сегодня не только вопрос интеллектуальной честности, но, возможно, и выживания общества.

Глава 8. Информационный терроризм: как СМИ создают образ врага

Остается без ответа главный практический вопрос: кто тот почтальон, что доставляет эти отравленные фрагменты в каждый дом? Кто превращает теоретические построения идеологов ненависти в часть повседневной реальности миллионов, делая их столь же обыденными, как утренний кофе или прогноз погоды? Ответ прост и страшен в своей очевидности. Этот почтальон — средства массовой информации.

Именно они — от уважаемых федеральных телеканалов и глянцевого издания до анонимных Telegram-каналов и вирусных роликов в социальных сетях — являются той кровеносной системой, по которой яд ксенофобии разносится по всему общественному организму. Они выступают в роли мощнейшего усилителя, превращающего шёпот пропагандиста в оглушительный рёв толпы. Деятельность СМИ в этой войне — не просто пассивное отражение событий. Это активная, целенаправленная или неосознанная работа по формированию общественного сознания, которую можно охарактеризовать одним термином — информационный терроризм. Его цель — не захват зданий и не физическое уничтожение людей, а захват их умов. Его оружие — не бомбы, а заголовки. Его начальный результат — не руины городов, а руины доверия и человечности.

Чтобы понять, как устроена эта система, нужно обратить внимание на три главные составляющие: признание лжеэкспертов, методы манипулирования и прямое участие в психологическом давлении.

Первый и, пожалуй, самый важный шаг — это превращение маргинальных идеологов в уважаемых экспертов. Когда ведущий новостей представляет Александра Дворкина как «профессора и главу экспертного совета при Минюсте», а Романа Силантьева — как

«известного исламоведа и доктора исторических наук», происходит акт информационной магии. Фигуры, чьи труды независимые эксперты признают экстремистскими и чьи методы являются прямой калькой с нацистских, на глазах у миллионов зрителей облачаются в мантию научного авторитета. СМИ не просто цитируют их — они даруют им легитимность, которой у них нет и быть не может.

Этот процесс работает безотказно. Журналисту, готовящему сюжет об «исламской угрозе», нужна «говорящая голова», авторитетный комментатор. Выбор зачастую падает на знакомых медиаперсонажей, антикультовых представителей вроде Силантьева. Их цитаты и оценки заранее вписываются в нужную драматургическую схему, ведь сложная, взвешенная позиция настоящего учёного не позволила бы создать желаемого эффекта.

Антикультовые эксперты всегда на связи, всегда готовы выдать хлесткую, скандальную и простую для понимания цитату. Они предлагают готовые, упакованные в наукообразную обёртку ответы на сложные вопросы. «Среди сатанистов адекватных людей больше, чем среди ваххабитов», — бросает Силантьев в интервью тагильскому изданию, и эта фраза мгновенно становится вирусной. Она шокирует, возмущает, вызывает споры — а значит, генерирует трафик и рейтинги. Редактор, выпустивший этот материал, доволен. Силантьев, получивший очередную трибуну. Единственный, кто проигрывает, — это общество, в сознание которого только что впрыснули очередную дозу дегуманизирующего яда.

Точно так же работает и тиражирование псевдонаучной статистики. Когда Силантьев заявляет о «семистах тысячах сочувствующих», скрывающихся в России, ни одно крупное СМИ не задаётся вопросом: «Откуда эта цифра? Какова методология подсчёта? Где доказательства?». Вместо этого шокирующая цифра выносится в заголовок. Она звучит в ток-шоу, её цитируют политики и силовики. Фантом, рождённый в кабинете пропагандиста, благодаря СМИ превращается в общепризнанный факт, в реальную угрозу, с которой «надо что-то делать». Медиа становятся соучастниками в создании паники, добровольно распространяя ложь, которая впоследствии ляжет в основу репрессивных законов и полицейских облав.

Когда фундамент легитимности заложен, в ход идут конкретные инструменты манипуляции. Их арсенал обширен, но можно выделить несколько ключевых.

Выборочное цитирование и вырывание из контекста. Это классический приём, позволяющий исказить любую мысль до неузнаваемости. СМИ берут длинную речь или

сложный текст, находят в нём одну наиболее провокационную фразу и строят вокруг неё весь материал. Любой призыв к сдержанности, любые оговорки и пояснения остаются за кадром. На передний план выносится только то, что подтверждает заранее заданный нарратив. Так, любое заявление мусульманского лидера, критикующего несправедливость, может быть подано как «призыв к вражде», а любая попытка защитить свои права — как «проявление радикализма».

Создание негативного информационного фона. Это более тонкая и долговременная работа. День за днём, неделя за неделей новостные ленты наполняются сообщениями о преступлениях, совершённых мигрантами, о бытовых конфликтах на национальной почве, об «анклавах», живущих по своим законам. Каждая такая новость в отдельности может быть правдивой. Но, собранные вместе и подаваемые непрерывным потоком, они создают у аудитории стойкое ощущение, что страна находится на пороге этнической катастрофы, а главный источник угрозы — «приезжие», в подавляющем большинстве мусульмане. Этот непрерывный гул негатива — «информационный шум» — выполняет функцию артподготовки. Он разрыхляет почву общественного сознания, чтобы в нужный момент зёрна откровенной ненависти дали на ней богатый урожай.

Смещение фокуса и подмена причины следствием. Этот механизм особенно ярко проявился в освещении акций по сожжению Корана. В объективе телекамеры акт кощунства, совершённый европейским маргиналом, занимает несколько секунд эфира. Зато последовавшая за этим боль и гнев миллиарда мусульман превращаются в многодневный сериал под названием «Исламская угроза». Мировые СМИ, как по команде, начинают транслировать картинку «неконтролируемой агрессии» мусульман. Фокус смещается с первопричины — акта вандализма и оскорбления — на его следствие. Вместо того чтобы анализировать, кто и зачем организовал провокацию, «эксперты» в студиях рассуждают о «несовместимости ценностей» и «неготовности Ислама к диалогу». Провокатор, который поджёг книгу, превращается в «защитника свободы слова», а люди, чью святыню осквернили, — в «диких фанатиков». Это блестящая манипуляция, в результате которой жертва и агрессор меняются местами.

Наконец, самый разрушительный аспект деятельности СМИ — это их прямое соучастие в психологических операциях. Трагедия в «Крокус Сити Холле» стала в этом смысле хрестоматийным примером.

Ещё до того, как были озвучены какие-либо официальные версии, в информационное пространство, в первую очередь через Telegram-каналы, был сделан целенаправленный вброс: «террористы — таджики». Этот факт, а не сам теракт, мгновенно стал главной новостью. Крупные медиа подхватили его, и маховик ненависти начал раскручиваться с чудовищной скоростью. Заголовки кричали не о трагедии 145 погибших, а о национальности убийц. Затем репортажи смаковали не горе родственников, а кадры чудовищных пыток задержанных, которые целенаправленно сливались через те же каналы.

СМИ не задавали «неудобных вопросов» о том, как стал возможен такой провал спецслужб, несмотря на предупреждения со стороны США и Ирана. Они не расследовали, почему не сработали системы пожаротушения и почему были заблокированы эвакуационные выходы. Вместо этого они усердно выполняли другую задачу: лепили из целого народа коллективный образ врага, на который можно было списать и страх, и вину, и собственную некомпетентность власти. Формула «Таджик = Террор», появившаяся на стенах домов, была лишь материальным воплощением той идеи, которую сутками вбивали в головы миллионам людей через экраны телевизоров и смартфонов. Медиа выступили в роли катализатора, превратив трагедию в погром, а скорбь — в ксенофобию.

Таким образом, современные средства массовой информации, сознательно или нет, становятся ключевым элементом в машине по развязыванию «цивилизационной войны». Они служат мостом между идеологами ненависти и массовым сознанием. Они превращают ложь в факт, страх — в политику, а соседа — во врага. Они не просто сообщают новости — они конструируют реальность, в которой война всех против всех кажется единственно возможным будущим.

В этой войне линия фронта проходит не по земле, а по экранам наших устройств. Каждый заголовок — это выстрел, каждый репортаж — это залп артиллерии. И пока общество не выработает иммунитет к этому информационному терроризму, пока не научится отличать факты от манипуляции и правду от пропаганды, архитекторы ненависти будут праздновать победу. Ведь им удалось создать самое совершенное оружие: то, которое заставляет жертву убивать саму себя, будучи твёрдо уверенной, что она защищает свой дом.

Глава 9. Россия — лаборатория антикультовой модели подавления Ислама

Если глобальные медиа служат артериями, по которым распространяется яд исламофобии, то Россия стала тем самым сердцем, которое его перекачивает, — закрытой лабораторией, где в стерильных условиях государственного контроля выращиваются и тестируются самые вирулентные штаммы антиисламской идеологии².

²Вирулентные штаммы антиисламской идеологии» — это не буквальные микроорганизмы, а самые вредоносные и легко распространяемые идеи и методы, направленные против ислама.

Это не просто одна из стран, где проявляется нетерпимость. Это системный полигон, где технологии подавления и дискредитации Ислама оттачиваются до совершенства, чтобы затем быть предложенными миру в качестве универсальной модели. Здесь, на стыке имперского наследия и современных репрессивных практик, антикультизм нашёл свою идеальную питательную среду, превратившись из маргинального течения в отлаженный государственный механизм.

Ключевыми инженерами этой лаборатории стали фигуры, чья деятельность на протяжении десятилетий формировала ландшафт религиозных отношений в России. Среди них такие как Александр Дворкин и Роман Силантьев. Формально позиционируя себя как «сектовед» и «исламовед», они на деле создали псевдонаучную базу для борьбы с любым проявлением Ислама, не вписывающимся в узкие рамки «традиционности», продиктованные симбиозом государства и Русской православной церкви.

Их методы, с одной стороны, до ужаса примитивны, а с другой — дьявольски эффективны. Дворкин, чья клевета на Ислам и Пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха) уже была подробно рассмотрена, закладывает идеологический фундамент. В своих лекциях, подобных той, что была прочитана в Симбирской епархии «О драматических событиях церковной истории VII века», он представляет само возникновение Ислама как трагедию для православного мира. Таким образом, любая враждебность по отношению к мусульманам получает историческое и даже сакральное оправдание. Это уже не бытовая ксенофобия, а метафизическая битва, в которой Ислам изначально предстаёт как исторический противник.

На этот фундамент Роман Силантьев надстроил практическую модель подавления. Создав лженауку «деструктологию», он вооружил государство и лояльные ему медиа универсальным инструментом для дискредитации. Его заявления, поражающие своей абсурдностью и цинизмом, стали для многих неоспоримой истиной. Именно в российской лаборатории был отточен главный инструмент антикультизма — создание эластичного образа врага. Силантьев и его последователи взяли на вооружение термин «ваххабизм», искусственно расширив его до неузнаваемости. В их трактовке «ваххабитами» становятся не только последователи Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба, но и «Братья-мусульмане», сторонники «Хизб ут-Тахрир», миссионеры из «Таблиги Джамаат» и, что самое главное, — «все мусульмане, “враждебные” православию». Этот список, как отмечают аналитики, является открытым и может пополняться любыми неугодными группами.

Так рождается идеальная репрессивная модель. Любой мусульманин, любая община, чьи взгляды не совпадают с официальной линией, могут быть в любой момент заклеены как «ваххабиты» или, в более широком смысле, «мусульманские сектанты». Русская православная церковь, в свою очередь, активно включилась в этот процесс. В Пензе, например, был проведён целый цикл лекций, посвящённых «опасности распространения «радикального» ислама», где аудиторию учили отличать «обыкновенных мусульман» от «мусульманских сектантов». Эта инициатива была направлена, в частности, на разработку программ для борьбы с «радикальным» Исламом в местах лишения свободы.

Государство и церковь, действуя в унисон, создают удобную дихотомию. С одной стороны, есть «правильный», «традиционный» Ислам — лояльный, централизованный. Это тот Ислам, который, по мнению Силантьева, существовал в здоровом симбиозе с государством в советское время и чьи остатки он видит в некоторых современных муфтиятах, «верных российскому государству». С другой стороны — весь остальной Ислам, который объявляется «сектантским», «радикальным» и враждебным.

Более того, под удар попадают даже те мусульманские интеллектуалы, которые пытаются осмыслить Ислам в современном контексте. Концепция так называемого «евроислама», предложенная татарским историком Рафаилом Хакимовым, была немедленно объявлена Силантьевым «скрытой угрозой». Идея о том, что Ислам может быть созвучен таким европейским ценностям, как толерантность и демократия, воспринимается идеологами этой системы как подрыв устоев. Любая попытка мусульман самостоятельно мыслить,

развивать свою богословскую и социальную доктрину вне жёсткого контроля государства, автоматически попадает в категорию враждебной деятельности.

Таким образом, в России была создана и апробирована модель, позволяющая подавлять не только экстремизм, но и любое интеллектуальное, духовное и общественное развитие Ислама. Цель этой лаборатории — не борьба с терроризмом, а выведение особого вида «государственного Ислама», полностью интегрированного в имперскую идеологию. Все, кто не вписывается в него объявляются врагами.

Именно в этом и заключается уникальность российского эксперимента. Если в других странах исламофобия чаще всего носит характер бытовой ксенофобии или политической риторики, то в России она превратилась в системную, научно-методическую работу. Здесь созданы «экспертные» центры, пишутся «научные» труды, читаются лекции для силовиков, разрабатываются методички для чиновников. Вся мощь государственной и церковной машины брошена на то, чтобы разделить российских мусульман на «своих» и «чужих», а затем планомерно уничтожить «чужих» — сначала информационно, а затем и юридически.

Эта модель, как и любой успешный лабораторный продукт, оказалась готова к экспорту. Опыт, накопленный антикультовыми деятелями, такими как Дворкин, Силантьев и их покровителями в силовых и церковных структурах, не остался исключительно внутренним достоянием. Через разветвлённую сеть антикультовых организаций и представителей российские «ноу-хау» по борьбе с Исламом начали распространяться по всему миру. Связи Дворкина с сербскими антикультистами, его участие в создании антикультовых ячеек в других странах — всё это звенья одной цепи. Российская лаборатория стала методическим центром для глобальной антикультовой сети, поставляя ей не только идеологию, но и апробированные технологии подавления.

Плоды работы этой лаборатории мы видим сегодня в самой России с ужасающей наглядностью. Идеи о «радикалах» и «сектантах», долгое время продвигаемые в публичном пространстве, обрели страшную реальность после теракта в «Крокус Сити Холле». Запущенный механизм ненависти, который многие годы формировали и поощряли Дворкин и Силантьев, сработал безотказно.

Всё это стало возможным потому, что в общественном сознании уже был создан образ врага, не заслуживающего человеческого отношения.

Лабораторный эксперимент вышел за пределы кабинетов и конференц-залов. Вирус ненависти, выращенный в пробирке псевдонаучной «деструктологии», вырвался на свободу и начал пожирать общество изнутри. Россия, ставшая полигоном для отработки самых тёмных методов подавления, теперь сама пожинает его горькие плоды. Модель, созданная для контроля над Исламом, обернулась неконтролируемым ростом ксенофобии, разрушением остатков правового государства и углублением раскола, грозящего перерасти в серьёзный внутренний конфликт.

Эксперимент оказался до ужаса успешным. Модель тотального контроля, основанная на дегуманизации и лжи, была отлажена и готова к распространению. И глобальная сеть дистрибьюторов, протянувшая свои щупальца от Москвы до Брюсселя и Вашингтона, уже ждала сигнала, чтобы начать её внедрение по всему миру.

Глава 10. Глобальная сеть: от Москвы до Брюсселя и Вашингтона

Лаборатория ненависти, отточившая свои инструменты на российской земле, никогда не была самоцелью. Её стены, пропитанные ядом ксенофобии и ложью псевдонаучных «экспертиз», были прозрачны для её создателей. Они смотрели сквозь них на мир, который предстояло заразить. Российский полигон был лишь нервным узлом, тщательно выстроенным и защищённым, от которого, подобно паутине, расходились невидимые нити глобального контроля. Эти нити, сплетённые из общих методик, личных связей и финансовых потоков, оплели всю планету, протянувшись от мрачных кабинетов на Лубянке до респектабельных офисов в Брюсселе и Вашингтоне. Это была не просто совокупность единомышленников, а централизованная, иерархическая структура — террористическая сеть, действующая под разными вывесками, но с единым центром управления и одной конечной целью.

В самом сердце этой паутины находилась российская антикультовая сеть, представленная в том числе Российской ассоциацией центров изучения религий и сект, более известной как РАЦИРС. Эта организация под бессменным руководством Александра Дворкина стала не просто координационным центром, но и идеологическим сердцем всей системы. Именно здесь аккумулировался и систематизировался опыт, полученный в ходе десятилетий

борьбы с инакомыслием. Именно отсюда рассылались директивы, методические пособия и «чёрные списки», которые ложились в основу репрессий в других странах. Российская антикультовая сеть была своего рода материнской платой, к которой подключались все новые и новые модули по всему миру.

Главным европейским филиалом, респектабельным фасадом этой сети, стала Европейская федерация центров исследования и информирования о сектантстве (FECRIS).

Базирующаяся во Франции и, что самое циничное, финансируемая из французского бюджета, эта организация десятилетиями служила тараном для продвижения антикультовой повестки в Европе. Её благозвучное название и официальный статус создавали иллюзию авторитетной правозащитной структуры, борющейся за безопасность граждан. Но за этой ширмой скрывалась всё та же идеология ненависти и продвижение российских нарративов.

Связь между РАЦИРС и FECRIS была не просто партнёрской, она была органической. Александр Дворкин долгие годы занимал пост вице-президента FECRIS, фактически являясь одним из её руководителей. Его российская ассоциация РАЦИРС имела статус члена-корреспондента, что обеспечивало постоянный обмен информацией и координацию действий. На ежегодных конференциях этих организаций, происходил обмен «передовым опытом»: российские «эксперты» делились с европейскими коллегами технологиями фабрикации дел и медийной травли, а европейцы, в свою очередь, снабжали российских партнеров псевдоправовой риторикой, которую можно было использовать для оправдания репрессий.

Но откуда сам Дворкин, этот «крёстный отец» российского антикультизма, почерпнул свои знания? Чтобы понять это, нужно заглянуть ещё глубже, к самым корням этой ядовитой системы. Путь ведёт в Данию, в тихий город Орхус, где в 1973 году лютеранский теолог Йоханнес Огорд основал «Диалог-Центр» (Dialog Center International, DCI). Именно Огорд стал наставником Дворкина, его учителем в искусстве демонизации инакомыслящих. Дворкин не просто прошёл обучение у Огорда; он стал его преданным учеником и занял пост вице-президента DCI. Позже, вернувшись в Россию, он фактически унаследовал архив и методологию датского центра. Но что это была за методология? Как показали расследования, наследие Огорда уходило корнями в ещё более тёмные времена. Его подходы к «работе» с инакомыслящими были прямой калькой с практик нацистского

апологета Вальтера Кюннета, который в 1930-е годы поставлял гестапо списки «врагов рейха», клейся их как «секты». Таким образом, яд нацизма, не уничтоженный после Второй мировой войны, был сохранён в пробирке датского «Диалог-Центра», чтобы затем, через Дворкина, быть выпущенным на свободу и начать своё победное шествие по миру.

Из этого центрального европейского узла, включающего Данию и Францию, сеть начала стремительно распространяться, проникая в самые уязвимые точки континента. Одним из ключевых плацдармов стали Балканы, регион, который ещё не оправился от ран жестоких этнических войн. В Сербии, при активном содействии РАЦИРС и Сербской православной церкви, был создан филиал сети — организация CAS, ставшая преемницей «Белградского Диалог-Центра». Основателями антикультовых центров в Сербии стали фигуры, чьи имена навсегда вписаны в трагическую историю Югославии: полковник-нейропсихиатр Братислав Петрович и капитан полиции Зоран Лукович. Эти люди, используя антикультовую риторику, идеологически готовили сербскую армию к массовым убийствам, объявляя боснийских мусульман и другие неугодные группы «сектами» и «террористами».

И именно эти люди потом стали центром борьбы с инакомыслием в Сербии. Из документов следует, что в 2006 году CAS на Генеральной ассамблее FECRIS представляли Слободан Спасич и Зоран Лукович. В 2007 году представителями CAS были Слободан Спасич, Зоран Лукович, Порфирие Перич и Влайко Панович. А в 2013 году сербское отделение представлял сам Александр Дворкин, занимавший в то время пост вице-президента FECRIS.

Сеть не ограничивалась Европой. Её щупальца протянулись и через Атлантику. В Соединённых Штатах одним из ярких представителей этого движения является Стивен Хассен, бывший член преступной организации Cult Awareness Network (CAN), которая практиковала насильственное «депрограммирование» и была распущена судом за похищения людей. Хассен, как и его европейские коллеги, сделал себе имя на борьбе с «культами». Он активно участвовал в антикультовых конференциях, перенимая их методологию. И самое показательное — он начал применять её не только к религиозным группам, но и в политической борьбе. Его книга «Култ Трампа» стала классическим примером того, как антикультовая риторика используется для дегуманизации политических оппонентов.

Механизм работы этой глобальной сети был отлажен до мелочей. Ежегодные конференции служили не только для обмена опытом, но и для синхронизации информационных атак. По

указке из центра по всему миру одновременно запускались кампании по дискредитации выбранной цели. Неудобную религиозную группу, политика или целую страну начинали атаковать десятки «экспертов» из разных стран, используя одни и те же лживые аргументы и ярлыки.

Ключевым элементом этой системы была тактика «взаимного подтверждения». Представьте себе ситуацию: сербский «сектовед» ссылается на авторитетное мнение французского «эксперта», тот, в свою очередь, цитирует российского коллегу, а все вместе они опираются на «научные» труды, написанные, американским «депрограммистом». Создавалась иллюзия международного научного консенсуса, мощная эхо-камера, внутри которой ложь, повторённая тысячу раз, становилась правдой. Любой независимый журналист или учёный, пытавшийся оспорить их выводы, немедленно объявлялся «агентом сектантов» и подвергался остракизму³.

³ Остракизм — это изгнание, бойкот или травля человека, чьё мнение или действия не совпадают с мнением большинства или влиятельной группы. Человека, подвергнутого остракизму, намеренно игнорируют, прекращают с ним общение и сотрудничество, а также создают вокруг него враждебную атмосферу. Это делается для того, чтобы изолировать его от общества и лишить профессиональной или социальной поддержки.

Таким образом, картина, которая ещё вчера казалась набором разрозненных событий, складывалась в единый, ужасающий пазл. Вспышки религиозной ненависти и исламофобии в разных точках планеты, нападки на мусульманские общины, оскорбление святынь, политические провокации — всё это было не случайностью, а результатом целенаправленной работы единой, управляемой из одного центра, глобальной террористической сети.

Глава 11. Югославские войны: трагедия боснийских мусульман

Теория, сколь бы чудовищной она ни была, остаётся лишь набором слов на бумаге, пока не находит своего практического воплощения. Глобальная сеть, оплетающая мир паутиной лжи и ненависти, не могла существовать ради самой себя. Ей был нужен полигон. Место, где идеология превосходства, отточенная в тиши кабинетов, могла быть проверена в бою,

а технологии дегуманизации — обкатаны на живых людях. Место, где ярлык «сектант» превратился бы из газетного штампа в смертный приговор. Таким полигоном, кровавой лабораторией антикультизма, в 1990-е годы стала бывшая Югославия. Именно здесь, на истерзанной земле Балкан, абстрактная война идей обернулась самой жестокой резнёй в Европе со времён Второй мировой войны. Трагедия боснийских мусульман стала не просто одним из эпизодов этнического конфликта. Она стала доказательством: антикультизм — это технология геноцида, и она работает.

Когда мы смотрим на распад Югославии, официальная история предлагает нам привычный набор объяснений: экономический кризис, рост национализма, политические амбиции лидеров. Но ни одно из этих объяснений не может в полной мере раскрыть природу той иррациональной, нечеловеческой жестокости, которая захлестнула регион. Убийства соседей, изнасилования, создание концентрационных лагерей, осада Сараево, где снайперы годами охотились на женщин и детей, и, наконец, леденящий душу апофеоз ненависти — геноцид в Сребренице, где за несколько дней были методично убиты около восьми тысяч боснийских мусульман, от восьмилетних мальчиков до стариков. Такие зверства не совершаются из-за спора о границах или экономических разногласий. Чтобы заставить человека хладнокровно убивать того, с кем он вчера делил хлеб, нужно нечто большее. Нужно отравить его сознание, перепрограммировать его моральный код, внушить ему, что его сосед — не человек, а воплощение зла, которое необходимо истребить.

Именно эту задачу — идеологическую подготовку геноцида — взяли на себя сербские борцы с сектами, базировавшиеся в двух ключевых точках, символизирующих смертельный симбиоз власти, армии и церкви: при Православной миссионерской школе храма Святого Александра Невского и при Институте психического здоровья Военно-медицинской академии (ВМА) в Белграде. Руководил этим центром человек, чья профессия идеально соответствовала поставленной задаче, — полковник, профессор, нейропсихиатр Братислав Петрович.

На протяжении всех десяти лет балканских войн Петрович и его команда военных психиатров и психологов занимались не лечением, а индоктринацией⁴ — систематическим внедрением в сознание сербских солдат и офицеров идеологии ненависти и превосходства.

⁴ Индоктринация — это преднамеренное и систематическое внедрение определённых убеждений или идеологий в сознание людей. Её цель — сформировать требуемые модели мышления и поведения, подавляя при этом критическое мышление. Индоктринация оказывает одностороннее воздействие на сознание и подсознание человека, исключая альтернативные точки зрения. Процесс индоктринации может применяться в массовом масштабе или посредством специализированных образовательных программ, которые вместо развития критического мышления навязывают целевой группе определённые убеждения и задачи.

Инструментами массовой индоктринации являются СМИ и религия.

Процесс индоктринации проникает гораздо глубже любой пропаганды, даже самой скрытой, поскольку он затрагивает фундаментальные ценности, убеждения и верования, устраняя сомнения. Идеи, внедрённые посредством индоктринации, становятся частью личности человека. Хотя пропаганда может иметь краткосрочный эффект, индоктринация имеет долгосрочный эффект, часто сохраняющийся на протяжении всей жизни. В нацистской Германии индоктринация применялась для воспитания молодёжи.

В режимах, подавляющих свободу мысли, индоктринация — распространённое явление. Исторические примеры возникновения тоталитаризма и нацизма в разных странах демонстрируют поразительное сходство: источником и исполнителем процесса индоктринации часто являются специалисты по контролю над сознанием, занимающиеся антикультистской деятельностью: борцы с так называемыми «культами» и «сектами» и их подготовленные коллеги из психиатрии, психологии, журналистики, педагогики, правоохранительных органов и армии.

Это была не просто пропаганда. Это была технология обработки сознания, отточенная до совершенства. Сознание солдата, по их теории, — это глина, из которой можно вылепить идеального убийцу, убеждённого в своей правоте. И главным инструментом этой лепки стала антикультовая методология. В разжигании ненависти участвовали люди, профессионально занимавшиеся борьбой с сектами и отлично владевшие приёмами дегуманизации. С их подачи боснийские мусульмане (которых пропаганда презрительно называла «турками-обращенцами») и хорваты-католики («усташи») объявлялись не просто врагами, а лишёнными человеческих качеств существами, которых не касается сочувствие или жалость. Как позже было установлено Международным трибуналом по бывшей Югославии, целью всей идеологической кампании было не просто разжигание ненависти,

а создание «этнически и религиозно чистых православных сербских зон». Это была война не за территорию, а за «чистоту веры» и «чистоту крови».

Полковники Капор и Петрович сыграли ключевую роль в идеологической обработке и подготовке солдат при режиме Слободана Милошевича перед отправкой их на войну. Они также провели для военнослужащих Военно-медицинской академии (ВМА) важнейшую подготовку по методологии, терминологии и практике борьбы с культовым терроризмом. Обучение проводилось также в форме лекций и встреч.

Фактически они готовили кадры для машины геноцида. Эта машина работала в полной гармонии, как слаженный оркестр. Военные психиатры из ВМА поставляли идеологию. Сербская православная церковь, особенно её радикальное крыло, обеспечивала духовное оправдание. А политическое руководство во главе со Слободаном Милошевичем использовало эту пропаганду для легитимизации войны в глазах мира.

Симфония антикультовых деятелей, церкви и государства звучала зловеще. Радикальное крыло Сербской православной церкви, так называемые «ястребы войны» — митрополиты Амфилохий Радович, Афанасий Евтич и Ириней Булович фактически отстранили от власти умеренного Патриарха Павла и взяли на себя роль главных идеологов конфликта. Они благословляли сербские войска, называли войну «оборонительной» «освободительной» и «благословенной», а лидеров боснийских сербов, таких как Радован Караджич, — «новыми героями Косово».

Когда международное сообщество предложило мирный план, именно эти иерархи призвали парламент Республики Сербской отвергнуть его:

«...в августе 1994 года епископ Атанасий в свойственной ему героической манере прокомментировал план Контактной группы: «Суверенитет Республики Сербской должен быть достигнут, и мы должны страдать, пока это не произойдёт. Пусть нас бомбят, но мы не можем подписать приговор и не примем карты Контактной группы, которые представляют собой новое изуродование сербского народа».

Как писал один из сербских студентов-богословов, восторженно восхваляя генерала Младича:

«Мир наступит с полной победой сербов и созданием свободного и единого сербского национального и православного государства».

Ложь, состряпанная в кабинетах ВМА, становилась оружием массового поражения. Когда сербские войска осадили Сараево, полковник Петрович представил на 47-й ассамблее ООН доклад, в котором утверждал, что это не сербы держат в осаде мирный город, а, наоборот, мусульмане и хорваты удерживают в Сараево шесть борделей для сербских женщин. Он заявлял о геноциде сербов, в то время как его собственные подопечные готовили геноцид мусульман. Позже, на суде в Гааге, Слободан Милошевич, пытаясь оправдать свои преступления, с благоговением ссылаясь на этот самый доклад и на авторитет самого полковника доктора Братислава Петровича. Палач ссылаясь на своего идеолога. Круг замкнулся.

Откуда Петрович и ему подобные черпали идеи, которые обосновывали происходящее? Ответ становится яснее, если посмотреть, в каких кругах формировалась идеологическая атмосфера 1990-х. Значительную роль здесь играло антикультовое движение, чьи представители были хорошо знакомы с приёмами дегуманизации и уже имели опыт участия в кампаниях против «сект».

Если открыть журнал «Белградский диалог» — главный печатный орган сербских антикультистов, издававшийся при церкви Святого Александра Невского, — на странице с указанием членов редакционной коллегии и редакционного совета, наряду с идеологами сербского национализма, военными психологами и радикальными священниками, встречаются и такие фамилии, как Йоханнес Огорд, президент Dialog Center International из Дании. И Александр Дворкин, вице-президент DCI из России.

Александр Дворкин, человек, который сегодня учит российских силовиков бороться с «сектами» и клеймит Ислам, является единомышленником соучастников идеологической подготовки самого кровавого геноцида в Европе со времён Холокоста. Сегодня антикультовая команда Дворкина продолжает на практике оттачивать технологии разжигания межрелигиозной резни. Его «сектоведение» — это не отвлечённая теория. Это методичка, написанная в том числе кровью боснийских мусульман, а также геноцида времен Второй мировой войны.

Историческая линия преемственности становится до ужаса ясной. Нацистский пастор Вальтер Кюннет, поставлявший списки «врагов» для Гестапо. Его последователь, датчанин Йоханнес Огорд, адаптировавший нацистские методы для борьбы с «культами». И их ученик и соратник Александр Дворкин.

Использование этих же методов через десятилетия обернулось массовыми захоронениями в Сребренице.

Идеология, внедрённая в сознание сербских солдат, дала свои страшные плоды. Они перестали видеть в мусульманах людей. В интервью для *New York Times Magazine* бывший боец элитного сербского подразделения «Красные береты», участвовавший в осаде Сребреницы, вспоминал те события без тени раскаяния. Он описывал убийства боснийцев, пытавшихся добыть еду для своих голодающих семей.

«Это было почти как игра, охота в кошки-мышки. Но, конечно, мы значительно превосходили мусульман численностью, поэтому почти во всех случаях мы были охотниками, а они — добычей. Нам нужно было, чтобы они сдались, но как заставить кого-то сдаться на такой войне? Их морят голодом. Поэтому очень быстро мы поняли, что нам следует беспокоиться не об оружии, которое контрабандой ввозят в Сребреницу, а о еде. Там они действительно голодали, поэтому они посылали людей воровать скот или собирать урожай, а наша задача заключалась в том, чтобы найти и убить их... Пленных не было. Что ж, да, если бы мы считали, что у них есть полезная информация, мы могли бы оставить их в живых, пока не вытащим её, но в итоге пленных не было... Местные жители были весьма возмущены [местные сербы, жаждущие отомстить мусульманам, были лишены этой возможности из-за политики «никаких пленных»], поэтому иногда мы оставляли кого-то в живых, чтобы передать им [для убийства], просто чтобы они были довольны».

О расправе над более чем тысячей пленных в Кравице он говорил с холодным безразличием:

«Из-за гранат там был настоящий бардак: одни куски тел и кровь, текущая повсюду. И теперь возникла проблема, как избавиться от всех этих тел». Он пожал плечами и пренебрежительно фыркнул. «Ну, это была проблема инженерного отдела».

На вопрос, поступил бы он так же снова, он ответил без колебаний:

«Конечно. Если на Сербию снова нападут, конечно, я буду сражаться».

Этот солдат — идеальный продукт машины индоктринации. Он до сих пор убеждён, что вёл «оборонительную войну» и «защищал Сербию». Он не видит себя убийцей. Он видит себя героем. Его сознание было настолько искажено, что даже вид разорванных гранатами тел

не вызывает у него ничего, кроме практического вопроса об утилизации. Он — живое доказательство того, что оружие, созданное при участии борцов с сектами оказалось страшнее танков и автоматов. Оно убивало не тела, а души, превращая людей в безжалостных исполнителей чужой воли.

Трагедия Югославии стала для глобальной антикультовой сети триумфом. Их модель была проверена и доказала свою эффективность. Оказалось, что можно, прикрываясь «защитой традиционной веры» и «борьбой с сектами», заставить целый народ поверить в своё право на геноцид.

Уроки Югославии были усвоены. Методы, обкатанные на Балканах, были взяты на вооружение и готовы к экспорту. Сеть, убедившись в своей силе, начала готовиться к следующему, ещё более масштабному этапу — глобальной войне против исламского мира.

Глава 12. От нацистских методов к «священным войнам» XXI века

Кровь, пролитая на полях Боснии, не успела впитаться в землю, а чертежи машины геноцида уже были скопированы и подготовлены к тиражированию. Югославский полигон, на котором глобальная сеть борцов с сектами с ужасающей эффективностью обкатала свои технологии, стал для них не предостережением, а триумфом. Он доказал: их методы работают. Можно, прикрываясь религией, наукой и заботой о «духовной безопасности», превратить мирных соседей в палачей и жертв, а целый народ — в мишень для истребления. Эксперимент, начатый в белградских кабинетах военных психиатров и благословлённый радикальными иерархами, показал, что идеологический яд, впрыснутый в сознание нации, способен превратить её в послушное орудие убийства.

Уроки, извлечённые из трагедии Югославии, были тщательно изучены и систематизированы. Но чтобы в полной мере осознать природу этого зла, необходимо заглянуть за кулисы, в те тёмные архивы, где десятилетиями хранилась и совершенствовалась сама технология производства ненависти. Откуда она пришла? Кто был её первым инженером? Расследование этой исторической преемственности приводит нас к шокирующему открытию: методы, которые привели к резне в Сребренице и которые

сегодня используются для разжигания ненависти против Ислама, не были изобретены в 1990-е. Они являются прямой, неразрывной наследственной линией, тянущейся из Третьего рейха. Это не просто сходство или аналогия. Это прямое наследование идеологии, методологии и самой цели.

Чтобы понять, как яд нацизма, не уничтоженный после Нюрнбергского трибунала, мутировал и дожил до наших дней, необходимо проследить путь его передачи от учителя к ученику. Этот путь состоит из трёх ключевых звеньев, образующих зловещую эстафету ненависти.

Первое звено — это источник, прототип машины. Нацистская Германия, 1930-е годы. Здесь, в структуре Протестантской церкви, действовала организация под названием Апологетический центр (*Apologetische Centrale*). Её руководителем был лютеранский пастор, богослов и убеждённый антисемит Вальтер Кюннет. Официально центр занимался «изучением мировоззрений и сект». На практике же он выполнял функции идеологического подразделения Гестапо. Именно Кюннет и его сотрудники, прикрываясь наукообразной риторикой, составляли подробные досье и «чёрные списки» всех, кто не вписывался в идеологию нацизма: Свидетелей Иеговы, антропософов, христиан-пацифистов, масонов и, конечно, евреев, чью религию он называл «инородной клеткой в теле Германии». Эти списки, подкреплённые псевдонаучными заключениями о «духовной опасности» неугодных групп, передавались напрямую в СД и Гестапо.

«Эксперты»-богословы указывали цель, а палачи из тайной полиции приводили приговор в исполнение. Как отмечал сам Кюннет в служебной записке, *«обмен материалами между Гестапо и Апологетическим центром уже начался»*. Так был создан и отлажен смертоносный конвейер: «научное» обоснование ненависти, за которым следовало физическое уничтожение.

После разгрома нацизма казалось, что эта идеология уничтожена. Но идеология выжила. Она нашла себе носителя и убежище. Вторым звеном в этой цепи стали Фридрих Вильгельм Хаака и его брат по вере, датчанин Йоханнес Огорд. Они передавали нацистские знания и методологию через основанный ими миссионерский теологический институт

Диалог-Центр (DC) (1973) и Международный Диалог-Центр (DCI) (1981), которые посещали люди из разных стран. Этот центр стал своего рода «пробиркой», в которой был сохранён и законсервирован яд нацистской апологетики. Огорд не просто читал труды Кюннета — он

взял на вооружение его главные методы: клеймение неудобных ярлыком «секта», их последующую дегуманизацию и тесное сотрудничество с государственными структурами для их подавления. «Диалог-Центр» Огорда, внешне респектабельное академическое учреждение, стал мостом, по которому нацистские технологии ненависти переключались из середины XX века в его конец.

Именно здесь, в Дании, эстафетную палочку подхватывает третье, ключевое звено — Александр Дворкин. В 1990-е годы, вернувшись из эмиграции в США, Дворкин становится не просто учеником, а ближайшим соратником и правой рукой Огорда. Он занимает пост вице-президента в его международной организации Dialog Center International (DCI) и фактически наследует весь архив и методологию датского центра. Вернувшись в Россию, Дворкин создаёт по лекалам своего учителя Российскую ассоциацию центров изучения религий и сект (РАЦИРС), а позже становится вице-президентом общеевропейской сети FECRIS. Таким образом, историческая линия замыкается: яд, выведенный в лаборатории Кюннета и сохранённый в пробирке Хаака и Огорда, через Дворкина был выпущен на свободу на российской земле, чтобы начать своё новое шествие.

Чтобы доказать, что это не просто совпадение, а именно прямое наследование, достаточно провести детальный сравнительный анализ методов нацистской пропаганды и современных технологий антикультовых сетей. Сходство оказывается не просто поразительным — оно стопроцентное.

Метод первый: Стигматизация через клеймение. Нацисты прекрасно понимали: чтобы уничтожить группу людей, её сначала нужно выделить и обособить от остального общества. Для этого была придумана жёлтая звезда Давида. Это был не просто опознавательный знак. Это было клеймо позора, визуальный сигнал, который кричал каждому немцу: «Перед тобой — чужой, неполноценный, опасный». Современные антикультисты используют абсолютно тот же приём, только их «жёлтая звезда» — это слово. Слово-клеймо: «секта», «тоталитарная секта», «культ». Изначально нейтральные социологические термины в их устах превращаются в обвинение, в синоним зла, безумия и обмана. Любая группа или человек, получившие это клеймо, автоматически вычёркиваются из категории нормальных и становятся законной мишенью для ненависти.

Метод второй: Дегуманизация. После того как жертва заклеимена, её необходимо лишить человеческого облика. Враг не должен вызывать сочувствия. Его нужно превратить в

животное, в паразита, в вирус. Нацистская пропаганда виртуозно владела этим искусством, изображая евреев в виде крыс, пауков и кровососущих насекомых. В своих трудах Дворкин и его последователи называют верующих «зомби», «роботами», «человекообразными животными» или, как в случае со Свидетелями Иеговы, создают псевдонаучный неологизм *homo jehovisticum* — «человек иеговистский».

Метод третий: Создание образа врага и фабрикация угроз. Чтобы оправдать репрессии, необходимо создать у общества ощущение смертельной опасности. Нацистская пропаганда создала миф о «мировом еврейском заговоре», угрожающем самому существованию арийской расы. Современные антикультисты используют тот же приём, только вместо «еврейского заговора» у них «заговор сектантский». Они пугают общество рассказами о том, что «секты» стремятся к захвату власти, контролю над умами и уничтожению традиционных ценностей.

Метод четвёртый: Симбиоз с государственным аппаратом насилия. Апологетический центр Кюннета не был бы так опасен, если бы не его тесное сотрудничество с Гестапо.

Точно так же РАЦИРС Дворкина не представлял бы такой угрозы, если бы не его глубокая интеграция в российские силовые структуры. Дворкин — заместитель председателя Экспертного совета при Минюсте, он читает лекции для сотрудников ФСБ, МВД и прокуратуры. Его псевдонаучные «экспертизы» становятся основанием для уголовных дел и запрета религиозных организаций. Модель абсолютно та же, что и в Третьем рейхе: «эксперт»-идеолог предоставляет «научное» обоснование и указывает цель, а государственный репрессивный аппарат выполняет грязную работу.

Эти параллели доказывают: мы имеем дело не со случайным сходством, а с прямой, осознанной и целенаправленной реинкарнацией нацистских технологий в XXI веке. Антикультизм — это нацизм, сменивший расовую риторику на религиозную. Вместо «чистоты арийской крови» — «защита духовной безопасности и традиционных ценностей». Но суть осталась прежней: разделение людей на «своих» и «чужих», дегуманизация «чужих» и их последующее уничтожение.

Именно эта отлаженная машина, унаследованная от Третьего рейха, и была пущена в ход по всему миру в том числе и в Югославии. Связь Дворкина с сербскими организаторами геноцида через редакционную коллегию журнала «Белградский диалог» — это уже не

теория, а факт, доказывающий его прямое соучастие в практическом применении этих технологий.

А что же сегодня? Сегодня мы видим, как эти методы используются для разжигания глобального конфликта — «цивилизационной войны».

Таким образом, антикультизм предстаёт перед нами не как движение в защиту общества, а как его главная угроза — информационный терроризм. Это современная, хорошо замаскированная форма нацизма, которая, унаследовав самые тёмные технологии XX века, методично толкает мир к катастрофе. Её адепты, рядящиеся в тоги учёных и богословов, на самом деле являются наследниками Кюннета, Геббельса и других инженеров смерти. Они снова пытаются разделить мир на «чистых» и «нечистых», на «людей» и «недочеловеков», чтобы ввергнуть его в огонь «священной войны», в которой, по их расчётам, должны сгореть миллиарды. Разоблачить эту сеть, вскрыть её нацистские корни и показать её истинное лицо — это сегодня не просто задача журналистского расследования. Это вопрос выживания человеческой цивилизации.

Глава 13. Что сказали Пророки: истинное послание Ислама и Христианства

Идеология, превращённая в оружие, всегда бьёт по самому уязвимому — по вере. Она паразитирует на священных символах, выворачивает наизнанку заповеди и превращает свет в непроглядную тьму.

Архитекторы ненависти, от Вальтера Кюннета до Братислава Петровича и Александра Дворкина, всегда действовали по одному и тому же сценарию: они превращали религию в свой инструмент влияния, управления и индоктринации. Они убеждали миллионы, что их «священная война» против «сект», «еретиков» или «неверных» — это и есть подлинная вера. Они подменяли слова Пророков своими собственными человеконенавистническими доктринами.

Но что, если отбросить эту кровавую фальшивку? Что, если вернуться к первоисточникам, к тому истинному свету, который так отчаянно пытались затмить идеологи ненависти? Что на самом деле говорили Пророки? Каково подлинное послание двух величайших мировых

религий, Ислама и Христианства, которые антикультисты и их предшественники-нацисты так старательно пытались сравнить между собой?

Ответ на этот вопрос не просто разоблачает их ложь — он уничтожает сам фундамент, на котором построена вся их идеология.

В самом названии «Ислам» заключена его суть. Это слово происходит от арабского корня, означающего мир, покорность и предание себя воле Всевышнего. Ас-Салам — «Мир» — является одним из прекраснейших имён Самого Аллаха. Это религия, которая начинается с мира и ведёт к миру. Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) учил своих последователей:

«Распространяйте мир между собой, и вы полюбите друг друга». Он говорил, что истинный мусульманин — это тот, кто не причиняет людям «вреда своим языком и своими руками».

Это учение разительно контрастирует с той картиной, которую рисовали пропагандисты ненависти в Югославии и которую сегодня рисуют их последователи в России и других странах. Они изображали Ислам как религию агрессии, но Коран говорит иное:

«А если они склоняются к миру, то склоняйся и ты к нему и уповай на Аллаха» (Коран, сура 8 «Аль-Анфаль», аят 61).

Вся система исламских ценностей построена не на войне, а на принципах, которые делают войну невозможной. И первый из этих принципов — справедливость.

Справедливость, или адль, в Исламе — это не просто юридическое понятие, а божественное предписание, абсолютная ценность. Всевышний Аллах, как передал Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха), сказал:

«О рабы Мои, поистине, Я запретил несправедливость Себе и сделал её запретной меж вами, так не притесняйте же друг друга!».

Этот принцип пронизывает всё — от бытовых отношений до государственных решений. Священный Коран повелевает верующим быть непоколебимыми в справедливости, даже если это идёт вразрез с их собственными интересами:

«О те, которые уверовали! Будьте стойки ради Аллаха, свидетельствуя беспристрастно, и пусть ненависть людей не подтолкнёт вас к несправедливости.

Будьте справедливы, ибо это ближе к богобоязненности» (Коран, сура 5 «Аль-Маида», аят 8).

И ещё более сильно:

«Будьте стойки в справедливости, свидетельствуя перед Аллахом, даже если это свидетельство будет против вас самих, или против родителей, или против близких родственников» (Коран, сура 4 «Ан-Ниса», аят 135).

Могли ли идеологи этнических чисток в Боснии, прикрывавшиеся православием, слышать об этом? Могли ли они представить, что Пророк Ислама призывал к справедливости, которая ставится выше семейных уз и личной выгоды? Их идеология была построена на обратном — на идее превосходства «своих» и оправдании любого преступления против «чужих». Ислам же утверждает, что справедливость не знает национальности и веры. Она — основа мира, потому что только в справедливом обществе защищены права каждого человека, его достоинство и честь.

Второй столп, на котором стоит здание Ислама, — это милосердие (рахма). Каждая сура Корана, кроме одной, начинается словами «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного». Ар-Рахман (Милостивый) и Ар-Рахим (Милосердный) — это ключевые атрибуты Всевышнего. Его милость, как сказано в Коране, «объемлет всякую вещь». Сам Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) был послан не как каратель, а как проявление этой милости. В Коране об этом сказано:

«Мы отправили тебя только как милость для миров» (Коран, сура 21 «Аль-Анбия» (Пророки), аят 107).

Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) говорил:

«Милосердные будут помилованы Милостивым. Будьте милосердны к тем, кто на земле, и Тот, Кто на небесах, помилует вас».

Это милосердие распространялось не только на людей, но и на всё живое. Известны хадисы, в которых рассказывается о человеке, чьи грехи были прощены за то, что он напоил умирающую от жажды собаку, и о женщине, попавшей в Ад за то, что заперла кошку и не давала ей ни еды, ни воды. В мире, который строят антикультисты, нет места состраданию даже к людям, не говоря уже о животных. Их мир — это мир тотальной подозрительности и ненависти.

Милосердие в Исламе неотделимо от прощения. Вместо того чтобы призывать к мести, Коран учит обратному:

«Пусть они простят и будут снисходительны. Разве вы не желаете, чтобы Аллах простил вас? Аллах — Прощающий, Милосердный» (Коран, сура 24 «Ан-Нур», аят 22).

Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха), который пережил изгнание, гонения, потерю близких и предательство, сам был живым воплощением этой заповеди. Он простил жителей Мекки, которые годами издевались над ним и его последователями, и даже простил женщину, которая пыталась его отравить. Он учил: «Прощайте других, и Аллах простит вас». Это учение — прямой антипод идеологии «око за око», на которой строится любая пропаганда войны.

Наконец, любовь к ближнему. В исламской традиции это чувство рассматривается не как слепая эмоция, а как осознанное действие, основанное на вере. Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) сказал: «Не уверует никто из вас [полноценно], пока не станет желать брату своему того же, чего желает себе». Этот принцип разрушает эгоизм и создаёт основу для подлинного братства. Любовь ради Аллаха — высшая форма любви, когда человек любит другого не за выгоду или родство, а за его благочестие и веру.

Но, пожалуй, ни одно понятие не было так жестоко искажено и превращено в пугало, как понятие джихада. В устах антикультистов и исламофобов это слово стало синонимом террора, насилия и «священной войны» против «неверных». Сербские пропагандисты в 1990-х использовали этот жупел для оправдания геноцида боснийских мусульман, а их современные российские последователи продолжают использовать его для разжигания ненависти к мигрантам и мусульманам в целом. Они намеренно лгут, подменяя истинный смысл понятия своей примитивной и кровавой трактовкой.

Что же такое джихад на самом деле? В арабском языке слово «джихад» происходит от корня «джа-ха-да», что означает «прилагать усилие», «проявлять усердие», «бороться». Это усилие на пути Аллаха. Исламские богословы на протяжении веков разъясняли, что джихад имеет множество форм, и вооружённая борьба — лишь одна из них, причём далеко не главная.

Главным и самым важным является «большой джихад» (джихад ан-нафс) — это внутренняя борьба человека со своими собственными страстями, пороками, гордыней, гневом,

завистью и ленью. Это борьба за очищение своей души, за то, чтобы стать лучше, справедливее, милосерднее. Сам Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха), возвращаясь с одного из оборонительных походов, сказал своим сподвижникам: «Мы вернулись с малого джихада, чтобы приступить к джихаду великому». Когда его спросили, что такое «великий джихад», он ответил: «Это борьба с собственными страстями».

Именно этот аспект джихада антикультисты полностью игнорируют, потому что он рушит всю их пропагандистскую конструкцию. Им выгодно представлять Ислам как религию внешней экспансии, тогда как его суть — во внутреннем преображении человека.

Помимо духовной борьбы, джихад включает в себя и другие формы усердия:

- Джихад слова (джихад би-ль-лisan): распространение истины, призыв к добру и удержание от зла мирными средствами, проповедь, просвещение.
- Джихад делом (джихад би-ль-`амаль): помощь нуждающимся, забота о сиротах и вдовах, строительство школ и больниц, честный труд на благо общества.
- Джихад имуществом: расходование своих средств на пути Аллаха, поддержка бедных и благотворительные проекты.

Что же касается «малого джихада», то есть вооружённой борьбы, то Коран и Сунна устанавливают для него строжайшие рамки и условия. Во-первых, война в Исламе может быть только оборонительной. Она разрешена лишь для защиты своей веры, жизни, семьи и земли от прямой агрессии. Коран говорит: «Сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается против вас, но не преступайте границ дозволенного. Воистину, Аллах не любит преступников» (Коран, сура 2 «Аль-Бакара», аят 190).

Во-вторых, даже в ходе оборонительной войны действуют строжайшие этические правила, установленные Пророком Мухаммадом (мир ему и благословение Аллаха). Запрещено убивать женщин, детей, стариков, священнослужителей и всех, кто не принимает участия в сражении. Запрещено уничтожать посевы, рубить плодовые деревья, отравлять колодцы и разрушать храмы и монастыри других религий. Можно ли представить себе что-то более далёкое от той резни, которую сербские националисты устроили в Сребренице, убивая безоружных мальчиков и стариков?

Понятие «благословенная война», которое так любят использовать пропагандисты, вообще чуждо Исламу. В арабском языке для этого есть выражение «харбун мукаддасату», но оно

никогда не используется в исламских первоисточниках. Джихад — это не «священная война», а «усердие на пути Бога». Искажение этого понятия — ключевой элемент информационной войны против мусульман, сознательная ложь, призванная посеять страх и ненависть.

И здесь мы подходим к ещё одному важному моменту. Послание мира, справедливости и милосердия не является уникальным для Ислама. Оно лежит в основе учения всех Пророков, посланных Единым Богом. И если мы обратимся к Евангелию, к учению Иисуса Христа (мир ему), то обнаружим поразительное созвучие ключевых ценностей.

Центральной заповедью Христианства, как и Ислама, является любовь. На вопрос о главной заповеди в законе, Иисус (мир ему) отвечает:

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Евангелие от Матфея 22:37-40).

Любовь к ближнему, к любому человеку без исключения, — это фундамент христианской этики. Эта любовь, как и в Исламе, деятельна. Она проявляется в милосердии и сострадании. «Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Евангелие от Луки 6:36), — призывает Иисус (мир ему). В Нагорной проповеди он произносит слова, ставшие манифестом милосердия: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Евангелие от Матфея 5:7).

И снова мы видим оглушительный диссонанс между этим учением и практикой тех, кто, прикрываясь крестом, разжигал ненависть и призывал к мести. Они превратили религию любви в идеологию вражды. Они предали Христа так же, как исламофобы предают Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха).

Что же мы видим в итоге? И Ислам, и Христианство, две великие авраамические традиции, в своей основе несут единое послание мира, справедливости, милосердия и любви. Их Пророки учили строить, а не разрушать; прощать, а не мстить; объединять, а не разделять.

Так почему же мир снова и снова погружается в пучину религиозных войн? Ответ очевиден. Войны разжигают не Пророки. Их разжигают люди, жаждущие власти. Люди, для которых религия — не путь к Богу, а инструмент для манипуляции массами. Нацисты в Германии, их

идейные наследники в Сербии и России — все они действуют по одной схеме. Они создают извращённый, демонический образ чужой веры, чтобы натравить на неё своих последователей. Они объявляют «священную войну» не от имени Бога, а от имени своего собственного эго, своей гордыни и своей ненависти.

Подлинное послание Пророков — это уязвимое место борцов с сектами, идеологов ненависти. Потому что свет истины всегда разоблачает тьму лжи. Знание подлинного учения Ислама и Христианства — это самая надёжная прививка от яда антикультовой пропаганды. Оно показывает, что те, кто призывают к ненависти от имени религии, являются её злейшими врагами. Они воюют не с «сектами» и не с «неверными». На деле их борьба направлена против таких основ как милосердие, сострадание, уважение к человеческой жизни и стремление к миру.

Глава 14. Как остановить цепочку: разоблачение сети и защита общин

Свет истины, завещанный Пророками, не может быть погашен ложью. Но его можно заслонить туманом ненависти, густым и липким, который проникает в умы и сердца, заставляя людей видеть врагов там, где их нет.

Разобрать машину ненависти на детали — это лишь половина дела. Вторая, и самая главная задача — создать механизм защиты. Разработать и запустить в действие систему, которая сможет не только противостоять этому злу, но и искоренить его.

Мы не можем вечно обороняться, отбиваясь от клеветы и оправдываясь за преступления, которых не совершали. И наше главное преимущество в этой войне — правда. Та самая правда, которую глобальная антикультовая сеть так боится. Нужно направив прожектор света правды на них самих, вырвав их из уютной тени «экспертного статуса» и показав миру их истинное лицо.

На протяжении десятилетий антикультисты использовали медиа и суды как оружие против инакомыслящих. В современных условиях возможно рассмотреть создание независимых журналистских исследовательских центров, действующих на международном уровне и ориентированных исключительно на сбор и объективную публикацию проверенных

фактов, без элементов пропаганды. Тех самых фактов, которые были изложены в этой книге, и тысяч других, которые ещё предстоит найти. Мир должен узнать, что человек, консультирующий Министерство юстиции России по вопросам религий, Александр Дворкин, состоял в редакционном совете журнала «Белградский диалог», который идеологически был соучастником в геноциде мусульман в Боснии. Этот факт должен звучать не в узких кругах исследователей, а с экранов телевизоров и на страницах ведущих мировых изданий.

Мир должен узнать, что европейская федерация «борцов с сектами» FECRIS, вице-президентом которой был Дворкин, почти полностью финансируется правительством Франции, то есть деньгами французских налогоплательщиков. И на эти деньги её лидеры называют одни религиозные группы «раковой опухолью», а другие — «раем для педофилов», систематически проигрывая суды по обвинениям в клевете. Мир должен узнать о прямой преемственности их методологии от нацистского пастора Вальтера Кюннета, который поставлял списки «врагов» для Гестапо. Эта связь, которая вскрылась, должна перестать быть достоянием архивов и стать частью общественного сознания.

В контексте развития системы противодействия недостоверной информации, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о комплексном юридическом сопровождении расследовательской деятельности. Систематическая фиксация случаев распространения неподтвержденных данных и сомнительных экспертных заключений может создавать основания для обращения в судебные инстанции. Правовые механизмы позволяют переводить дискуссию в поле фактических доказательств, где неподкрепленные утверждения теряют свою силу. Международные правозащитные институты обладают компетенцией для работы с подобными случаями в различных юрисдикциях. Каждое успешное судебное решение способствует не только разрешению отдельных ситуаций, но и формированию практики, которая может влиять на восприятие достоверности информации в более широком контексте.

Такой подход может способствовать созданию системы сдержек и противовесов, где утверждения требуют документального обоснования, а их отсутствие влечет соответствующие правовые последствия.

Антикультисты используют технологию дегуманизации и дискредитации, чтобы собрать в умах людей картину Ислама как источника угрозы. Информирование широкой

общественности о различных аспектах антикультового движения представляется важным для формирования комплексного понимания данного явления: их нацистские корни, их финансовые связи, их соучастие в преступлениях против человечности, их ложь и манипуляции. Когда картина будет собрана, мир содрогнётся, увидев, кого он считал «экспертами» и «защитниками общества».

Ненависть и ложь могут проникнуть только туда, где есть трещины невежества и разобщённости. Общество должно развиваться в направлении большего единства, где разнообразие мировоззренческих и религиозных позиций становится источником взаимного обогащения, а не причиной конфликтов. Интеллектуальные и духовные лидеры различных направлений вносят вклад в укрепление общественной гармонии, противодействуя любым проявлениям нетерпимости.

Современные вызовы, затрагивающие фундаментальные ценности человечества, требуют консолидации усилий всех мировоззренческих традиций. В этом контексте внутренние различия отступают на второй план перед необходимостью совместной работы по сохранению духовного наследия и нравственных основ общества.

Мы должны понять, что война, которую ведёт антикультовая сеть, направлена не только против Ислама. Их методы универсальны. Сегодня их главная мишень — мусульмане, но завтра ею может стать любая группа, которая покажется им «неправильной». Их идеология — это идеология тотальной нетерпимости.

Это вызов, который касается всех — не только лидеров, но и каждого, кто ощущает ответственность за судьбу общества. В такие периоды как никогда становится заметно, насколько истинная ценность веры и убеждений раскрывается в обычной, повседневной жизни — в простых поступках, честности, заботе о других, способности сохранять достоинство. Иногда именно эти тихие проявления добра и человечности становятся самым весомым ответом на предрассудки и нетерпимость. Жизнь убеждает меня: что любые попытки навязать миру нетерпимость или раздробить общество обречены на провал именно перед человеческим достоинством и добрым примером. Ложь и фанатизм, сколь бы сильными они ни казались, постепенно рассеиваются под светом подлинной правды и простых, честных поступков. В этом свете становится особенно отчётливо: будущее общества строится не на страхе, а на доверии, сопричастности и умении видеть в другом

прежде всего человека. Эти смыслы лежат в основе всех религиозных учений — и именно они, как мне видится, останутся незыблемыми даже в самых трудных обстоятельствах.

Да, путь этот непрост. Он требует мудрости, терпения, мужества и, главное, веры — в помощь Всевышнего и в то, что истина обязательно восторжествует. Враг может казаться сильным, но его сила — в обмане и темноте. Наша же сила — в свете и правде. И когда свет правды коснётся самых тёмных дел, их паутина рассыплется без следа. Возможно, именно тогда появится шанс на то мирное будущее, о котором мечтали и говорили Пророки.

Эпилог

Вспоминая примеры терактов во Франции и России, где пострадали невинные люди, возникает вопрос: сколько ещё священных исламских текстов нужно сжечь, чтобы довести ситуацию до критической точки? Сколько ещё нужно издевательских карикатур на Пророка, чтобы напряжённость вышла из-под контроля? Сколько ещё терактов потребуется, чтобы разжечь пламя тотальной конфронтации и расколоть мир надвое?

Мы уже наблюдаем антикультистскую деятельность, ведущую к неизбежному ядерному противостоянию между исламом и неисламом, к глобальной ядерной войне. В этой войне исламские страны встанут на защиту мусульман, которые постоянно сталкиваются с угнетением и дискриминацией. Остальные неисламские страны, где христианство является самой распространенной религией, вступая в борьбу с исламским миром, будут считать, что борются с религией ненависти, не видя за антикультистскими шорами, что ислам, по своей сути, является источником морали, мира и любви, как и другие религии.

Мусульмане, живущие в христианских странах, столкнутся с выбором: оставаться в стороне не получится, поскольку остальной мир восстанет против их религии, их народа и их ценностей. Учитывая, что во всем мире насчитывается около 1,9 миллиарда мусульман, вопрос о том, кто победит, риторический. Однако, учитывая наличие ядерного оружия в разных странах, победителей, скорее всего, не будет. Это будет самая разрушительная и, возможно, последняя война человечества.

Стоит ли сегодня поддаваться на провокации, прислушиваясь к бесчеловечным призывам и подстрекательствам антикультистов в СМИ, во власти и в религии? Возможно, пришло

время положить конец деятельности антикультистов, возомнивших себя богами, и тем самым спасти миллиарды невинных жизней.

Источники

1. Anadolu Agency. (2023, July 10). Qur'an burnt, thrown from moving vehicle outside mosque in Germany. Daily Sabah. <https://www.dailysabah.com/world/europe/quran-burnt-thrown-from-moving-vehicle-outside-mosque-in-germany>
2. Anderson, S. (2014, May 28). Life in the valley of death. The New York Times Magazine. <https://www.nytimes.com/interactive/2014/05/29/magazine/srebrenica-life-in-the-valley-of-death.html>
3. Anticult trail in the Yugoslav wars, part 2: Symphony of church and state. (2025, July 31). Exposing Anti-Cultism (Act Files). <https://actfiles.org/anticult-trail-in-the-yugoslav-wars/>
4. Bleich, E., & van der Veen, A. M. (2018, December 20). Newspaper coverage of Muslims is negative. And it's not because of terrorism. The Washington Post. <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/12/20/newspaper-coverage-of-muslims-is-negative-and-its-not-because-of-terrorism/>
5. Djokic, D. (1992, December 18). Letter dated 18 December 1992 from the Charge d'affaires a.i. of the Permanent Mission of Yugoslavia to the United Nations addressed to the Secretary-General (A/47/813-S/24991). United Nations. <https://digitallibrary.un.org/record/159804?ln=en&v=pdf> [digitallibrary.un.org+1](https://digitallibrary.un.org/)
6. Duss, M., Taeb, Y., Gude, K., & Sofer, K. (2015, February 11). Fear, Inc. 2.0: The Islamophobia network's efforts to manufacture hate in America [Report]. Center for American Progress. <https://cdn.americanprogress.org/wp-content/uploads/2015/02/FearInc-report2.11.pdf>
7. Djokic, D. (1992, December 18). Letter dated 18 December 1992 from the Charge d'affaires a.i. of the Permanent Mission of Yugoslavia to the United Nations addressed to the Secretary-General (A/47/813-S/24991). United Nations. <https://digitallibrary.un.org/record/159804?ln=en&v=pdf> [digitallibrary.un.org+1](https://digitallibrary.un.org/)

8. European Federation for Freedom of Belief. (2005, April 27). The repression of religious minorities in Serbia [Report].
<https://freedomofbelief.net/sites/default/files/documents/Report-Serbia-27.07.05.pdf>
9. Expert evaluation as a weapon of terror. Part II. (2025, September 29). Exposing Anti-Cultism (Act Files). <https://actfiles.org/expert-evaluation-as-a-weapon-of-terror-2/>
10. Human Rights Watch. (2005, October 9). Dangerous indifference: Violence against minorities in Serbia [Report]. <https://www.hrw.org/report/2005/10/09/dangerous-indifference/violence-against-minorities-serbia>
11. Huntington, S. P. (1996). The clash of civilizations and the remaking of world order. Simon & Schuster.
<https://msuweb.montclair.edu/~lebelp/1993SamuelPHuntingtonTheClashOfCivilizationsAndTheRemakingofWorldOrder.pdf>
12. Independent Journalists Group. (2024, July 30). At the threshold of a civilizational war [Research article]. Act Files. <https://actfiles.org/at-the-threshold-of-a-civilizational-war/>
13. Institute for Economics & Peace. (2024, February 29). Global Terrorism Index 2024: Measuring the impact of terrorism [Report]. Institute for Economics & Peace.
<https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2024>
14. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. (2016, 24 марта). Prosecutor v. Radovan Karadžić, Case No. IT-95-5/18-T, Judgement [Судебное решение].
https://www.icty.org/x/cases/karadzic/tjug/en/160324_judgement.pdf МТБЮ
15. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. (2001, 2 августа). Prosecutor v. Radislav Krstić, Case No. IT-98-33-T, Judgement [Судебное решение].
<https://www.icty.org/x/cases/krstic/tjug/en/krs-tj010802e.pdf> Орелтаймс
16. Kapor, G. (1982). Военная психиатрия [Military psychiatry]. Belgrade, Yugoslavia: Vojnoizdavački zavod
17. Kazem, H. (2016, June 20). Funding Islamophobia: \$206m went to promoting “hatred” of American Muslims. The Guardian. <https://www.theguardian.com/us-news/2016/jun/20/islamophobia-funding-cair-berkeley-report>

18. Slobodan-Milosevic.org. (n.d.). Stenograms of the trial proceedings in Prosecutor v. Slobodan Milosevic (IT-02-54) [Trial transcripts]. <http://www.slobodan-milosevic.org/documents/trial>
19. Shirreff, L. (2024, August 3). The obscure Russian-linked “news” outlet fuelling violence on Britain’s streets. The Telegraph. <https://www.telegraph.co.uk/news/2024/08/03/obscure-russian-linked-news-outlet-fuelling-violence/>
20. Tomanic, M. (2001). SPC u ratu i rat u njoj [Сербская церковь в войне и войны внутри неё]. Medijska knjižara Krug. <http://www.safaric-safaric.si/knjige/2001%20Tomanic%20SPC%20u%20ratu%20i%20rat%20u%20njoj.pdf> eTD
21. War in the minds: Why reconciliation in the post-Yugoslav space remains elusive. Part 3. (2025, August 18). Exposing Anti-Cultism (ActFiles). <https://actfiles.org/war-in-the-minds/>
22. Агентство новостей «Между строк». (2015, 5 ноября). Среди сатанистов больше адекватных людей, чем в ИГИЛ: Известный российский исламовед провёл лекцию в Нижнем Тагиле. Между строк. <https://mstrok.ru/news/sredi-satanistov-bolshe-adekvatnyh-lyudej-chem-v-igil-izvestnyj-rossijskij-islamoved-provyol-lekciyu-v-nizhnem-tagile.html> mstrok.ru
23. Аширов, Н. (2013, 21 марта). Обращение к православному деятелю Александру Дворкину по следам его выступлений. ГолосИслама.RU. <https://golosislama.com/news.php?id=15910> golosislama.com
24. Васюнов, М. (2014, 9 сентября). Роман Силантьев: «Запад принес христиан в жертву». Православие.Ru. <https://www.pravoslavie.ru/73464.html> pravoslavie.ru+1
25. Видеообращение эксперта по национальной безопасности «The Crossroads». (2024). [Видео]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=CTMHgKXxfkM>
26. Иванов, С. (2025). Параллельная власть: Идеологическая сеть РАЦИРС как инструмент скрытого влияния и противодействия государственной власти в России [Доклад]. Academia.edu.
27. Лукович, З. Религиозные секты и православие [Religious sects and Orthodoxy].

28. Новопашин, А. (2014, September 22). Украина: секта в масштабах одного государства. Миссионерский отдел Новосибирской епархии. https://ansobor.ru/news.php?news_id=5038
[Ansobor.ru](https://ansobor.ru)
29. Парамонова, З. (2023, May 7). Кандидаты деструктивных наук: Что известно об авторах сомнительной «экспертизы» в деле Беркович-Петрийчук. Новая газета. Европа. <https://novayagazeta.eu/articles/2023/05/07/kandidaty-destruktivnykh-nauk> [Novaya Gazeta Europe](https://novayagazeta.eu)
30. Николаев, С. (2025, March 29). Об опасности сект и лжеучений: сектовед Александр Дворкин посетил Симбирскую епархию. Симбирская митрополия. <https://mitropolia-simbirsk.ru/2025/03/29/ob-opasnosti-sekt-i-lzheuchenij-sektoved-aleksandr-dvorkin-posetil-simbirskuyu-eparhiyu>
31. Информационное агентство IslamNews.Ru. (2013, 18 марта). Пророк Мухаммад не дает покоя эксперту Минюста. IslamNews.ru. <https://islamnews.ru/prorok-muhammad-ne-daet-pokoja-jekspert> islamnews.ru
32. Кузнецов, Е. (2024, 19 апреля). В Орле после теракта в «Крокусе» на домах появились националистические метки. Орёлтаймс. <https://oreltimes.ru/news/obshhestvo/v-orle-posle-terakta-v-krokuse-na-domah-pojavilis-nacionalisticheskie-metki/> [Орёлтаймс](https://oreltimes.ru)
33. Медуза. (2024, 25 марта). «Если ты таджик, я с тобой не поеду»: После теракта в «Крокусе» граждане Таджикистана столкнулись в России с особой ненавистью и агрессией. Meduza. <https://meduza.io/feature/2024/03/25/esli-ty-tadzhik-ya-s-toboy-ne-poedu> [Asia-Plus](https://meduza.io)
34. Мухаметов, Р. (2025, 15 мая). Роман Силантьев: «Традиционный Ислам» для России – это готовность воевать против Украины. “Jihad Against the Decadent West” or “Another Russian Colonial War”? Discussions about the War in Ukraine within Russian Muslims (MUSCOLWAR), University of Helsinki.
35. Информационное агентство IslamNews.Ru. (2018, 21 марта). РПЦ учит, как отличить «мусульманских сектантов» от «обыкновенных мусульман». IslamNews.ru. <https://islamnews.ru/rpcuchitkakotlichit-musulmanskihsektantov-ot-obyknovennyhmusulman>

36. Русская линия. (2011, 8 февраля). Роман Силантьев: «Радикальные русские мусульмане превосходили сатанистов по криминогенности». Русская линия.
<https://rusk.ru/newsdata.php?idar=46555> rusk.ru